

Помогите
для всех, чтобы
лучше понимать
адвокатский мир
и его законы.
Важно: Не
разрешать своим
друзьям.

Наталья Борохова

Наталья Евгеньевна Борохова
Предсказание для адвоката
Серия «Адвокатский детектив»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176059
Предсказание для адвоката: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-28957-8*

Аннотация

Молодому адвокату Елизавете Дубровской до сих пор доводилось встречаться с преступлениями только на страницах уголовных дел. И вот она сама стала свидетелем преступления, которое, вне всяких сомнений, попадет на первые полосы газет! Эмма, знакомая Лизиного мужа, пригласила их на вечеринку в честь Хэллоуина, устроила экзотическое гадание и намекнула на неблагоприятные поступки каждого из присутствующих. Той же ночью Эмму нашли убитой. Значит, какие-то ее слова попали в цель?.. Молодому следователю прокуратуры Майкову эта назойливая адвокатша сразу не понравилась. Но, кажется, только у нее есть информация, которая может помочь расследованию...

Содержание

Два года спустя...	6
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Наталья Борохова

Предсказание для адвоката

Снафф (англ. snuff) – нюхательный табак; перен. нечто остренькое.

Снафф-муви – это документальное кино, где запечатлено настоящее насилие или убийство.

Она всегда мечтала стать звездой. Но, видимо, так было predetermined свыше, что смысл ее земного существования оказался намного прозаичнее. Правда, о занятиях подобного рода не принято распространяться на широкой публике. Об этом не расскажешь маме, не похвастаешься перед школьными друзьями. Она торговала собой, и, какими сладкими эпитетами это ни назови, суть дела все равно не менялась. Поэтому, услышав неожиданное: «Девушка, а вы не хотите сняться в кино?», она на мгновение лишилась дара речи.

Респектабельный мужчина лет тридцати с небольшим, похоже, получил удовлетворение от минутной немой сцены, когда будущая актриса хватала ртом воздух и смотрела на него во все глаза. Одетый стильно и дорого, он мог оказаться кем угодно: обаятельным бандитом или владельцем собственной киностудии. Но его взгляд был мягким, а улыбка искренней и такой открытой, что все сомнения развеялись сами собой. Она доверилась ему.

На большом пальце у мужчины оказалось огромное родимое пятно лилового цвета, которое он время от времени поглаживал. Массивное кольцо с бриллиантом золотом опоясывало меченый палец. То ли камень сверкал слишком сильно, то ли неуместные вопросы типа: «А не больно ли это?», «Не вредно ли?» – лезли в голову девушке, но нить беседы постоянно ускользала от нее. Она не сводила глаз с родимого пятна...

Съемки проводили на территории какого-то особняка, со всех сторон окруженного кедрами. Участники действия собрались возле открытого бассейна. Удивительно, но их, включая дебютантку, оказалось только четверо. Один, по всей видимости, оператор, огромный мужчина с бородой, колдовал над камерой. Он недовольно хмурился, наводя объектив то на воду, то на оживленное лицо кинодельца. Тот давал последние инструкции бледной от волнения девушке и молодому человеку в махровом халате. Палец с родимым пятном то выразительно взлетал вверх, то опускался вниз. Бриллиант сверкал в свете многочисленных ламп, расставленных по периметру бассейна, и казался начинающей актрисе едва ли не небесным знаменем, предвещающим грядущие перемены в ее невеселой жизни.

Мужчина сбросил халат и, ничуть не смущаясь своей наготы, походкой короля прошелся по бортику бассейна, потрогал воду и, зябко крикнув, погрузился в нее до подбородка. Девушка медлила. Ей не впервой было раздеваться на людях, но непонятное волнение беспокоило ее и не давало расслабиться. Может, всему виной была прохладная летняя ночь, когда звезды на небе казались ледяными кристаллами, а вода не выглядела привлекательной даже в свете ламп? Но представитель киноиндустрии уже хмурился. Спешно, чтобы не вызвать его недовольства, девушка опустилась в воду и даже не вскрикнула, когда та заключила ее в свои холодные объятия.

«Снимаем сцену любви. Все должно быть натурально. Двигайтесь естественно. Излишней театральности мне не надо». Вот так. Коротко и ясно. Справиться с задачей не составило особого труда. Нужно было только немного отвлечься и не обращать внимания на оператора, который снимал ее лицо крупным планом.

Самец, поигрывая рельефной мускулатурой, приблизился к ней, прижал к бортику бассейна, больно сдавил грудь. Он мог бы действовать и нежнее, коль скоро речь зашла о любовной сцене... Но замечаний от режиссера не поступило, и девушка предпочла воздержаться от критики. Между тем партнер приподнял ее за бедра. Поясницу царапнуло что-то неровное.

Ох, черт! Она обязательно попросит премиальные. Нужно только немного потерпеть. Будет досадно, если ей откажут от роли после всего того, что ей уже довелось пережить. Мужчина заработал, как отбойный молот, едва не пробивая ею стену бассейна. Она прикрыла глаза.

Что можно купить на такую уйму денег? Ну, конечно, заграничный тур. Она выберет для себя что-нибудь экзотическое с морем и пальмами. На остатки можно будет обновить гардероб. Купить новую шубу...

Ох, ну когда же это закончится? Вода казалась ледяной. Все тело кололо малюсенькими иголочками, а жеребец исправно выполнял свое дело. Интересно, она должна изображать удовольствие? Вряд ли это получится у нее убедительно. Мужчина просто разрывал ее на части.

Итак, шуба... Она должна быть свободная в роспуск или с поясом, как пальто? Да какая разница, если она может позволить себе и то, и другое? Кстати, если купить машину, то она может вполне обойтись короткой стильной курткой из меха. Конечно, на приличную иномарку ей не хватит...

Девушка взвизгнула. Самец укусил ее за шею. Она не видела, но ощутила, как загорелся на молочно-белой коже подковообразный след. Невзирая на договоренности, она взорвалась. Что было силы она дала кулаком по самодовольной физиономии. Если партнер опешил, то лишь на мгновение. В следующий момент он перехватил ее руки своими железными пальцами. Девушка завертела головой, отыскивая режиссера. Тот, словно ничего не происходило, стоял рядом, наблюдая разворачивающуюся на его глазах сцену сосредоточенно, как натуралист смотрит на копошащихся муравьев. Камера наезжала на лицо девушки. Бородач был занят работой.

«Кончай ее!»— последовала команда, и палец с родимым пятном опустился вниз. Бриллиант грозно сверкнул.

В этот момент руки самца сомкнулись железным обручем на шее девушки. Она расширила глаза, ничего не понимая, потом забилась, как рыба, попавшая в сеть. Открытый рот пытался захватить воздух, но он почему-то иссяк. Ее тянуло под воду, которая стала почти горячей...

– Готово! Снято, – провозгласил человек с перстнем.

Он схватил за волосы голову девушки и приподнял ее над водой. Оператор зафиксировал посмертную маску. Палец в золотом обруче тоже попал в кадр...

Два года спустя...

Осень в этом году выдалась замечательная. И несмотря на то что октябрь уже подходил к концу, никакой сырости и слякоти не наблюдалось. Было сухо и солнечно. И хотя по утрам трава уже покрывалась холодной изморосью, днем озорное солнце разгоняло сезонную хандру. На деревьях золотом отливала листва, а в саду, что уж совсем удивительно, цвели розы.

Буйство природных красок тем не менее не радовало Елизавету Дубровскую. Прислонившись лбом к нагретому солнцем оконному стеклу, она рассматривала диковинные бутоны на клумбе, а мысли ее парили где-то очень высоко в ярко-синем небе с едва различимыми островками облаков. Она размышляла на типичную женскую тему: что надеть сегодня вечером и как вести себя в обществе почти незнакомых ей людей. Конечно, все было бы намного проще, если бы ее обожаемый супруг находился сейчас рядом с ней, а не на каких-то очень важных переговорах, назначенных совсем некстати на выходной день. «Не волнуйся, дорогая. Если я опоздаю, то совсем ненадолго. Ты замечательно проведешь время с моими друзьями. Кстати, ты уже придумала себе костюм? Не забудь, мы же отмечаем Хэллоуин».

Это была идея Эммы, особы чрезвычайно активной и предприимчивой, собрать приятелей на базе отдыха и узким кругом отметить День Всех Святых. От гостей многого не требовалось: они должны были прибыть вовремя и захватить с собой подходящий к случаю наряд. Неписанные правила проведения подобного рода вечеринки обязывали каждого приглашенного облачиться в костюм ведьмы или вампира, раскрасить лицо шрамами, а также не забыть про вставные клыки и накладные когти. Экзотика дикой природы на одном из самых живописных озер, полнолуние и бесчинствующая нечистая сила – ничего не скажешь, ночь обещала быть веселой!

Сам Андрей рядиться во что-либо отказался, но затею принял положительно. И вот теперь бедная Лиза ломала себе голову, как одеться так, чтобы новые друзья не сочли ее слишком эксцентричной особой, а с другой стороны, прослыть занудой ей тоже не хотелось. В поисках золотой середины она перерыла содержимое своей дорожной сумки и косметички, но решение проблемы, видимо, пряталось не под ворохом нарядной одежды и не среди флаконов и щеток.

Дубровскую трудно было упрекнуть в излишнем самомнении. В новой компании она чувствовала себя неважно: немного робела, произносила неуклюжие фразы и краснела, как ребенок, которого любящие родители попросили прочитать гостям стихотворение. Она старалась не паниковать и взглянуть на ситуацию как бы со стороны, но от этого становилось еще хуже. Как в зеркале она видела свое отражение: невысокой, худенькой, как подросток, стеснительной девушки с небезупречными манерами.

А рядом был он: молодой и обаятельный, решающий любую проблему в два счета. Он был душой любой компании. Его везде ждали и все любили. Андрей мог найти выход из самой неловкой ситуации. Заметив, что его супруга застыла как изваяние, он непринужденно подхватывал адресованную ей реплику. Через минуту, направив разговор в нужное русло, он пасовал возможность ответа Елизавете. Та выходила из ступора, начинала о чем-то говорить, иногда даже удачно. Натянутость исчезала. Все шло своим чередом, только один вопрос, который никогда не задавался вслух, читался все же в глазах окружающих: что *он* нашел в *ней*?

Стоп! Может, проблема была именно в этом?

Их семейному союзу не исполнилось и года, а Елизавета Дубровская успела обрасти комплексами, как молодая сосна побегами. Они появлялись исподволь, благодаря неосторожным репликам друзей и ядовитым комментариям злопыхателей. Кто-то посмеивался,

кто-то разочарованно вздыхал. Незамужние женщины негодовали, будто этот странный брак наносил удар по их самолюбию. Их отцы искали скрытый подтекст: ну должна же быть причина, по которой местный король фармацевтики и самый завидный холостяк в городе предложил свою руку и сердце ничем не примечательной девушке.

Вне всяких сомнений, Лиза Дубровская была мила, но на конкурсе красоты не получила бы даже утешительного приза. Маленькая хрупкая фигурка без волнующих женских изгибов: едва заметная грудь, узкие бедра – словом, девчонка, пигалица! По-настоящему красивыми у нее были, пожалуй, только глаза. Огромные, обрамленные густыми загнутыми вверх ресницами, они меняли свой цвет в зависимости от освещения. Иногда они казались карими, иногда просто черными. На солнце в них плескались золотые искорки, которые придавали взгляду особое очарование. Темные волны густых волос оттеняли необычно белую кожу, столь непопулярную в эпоху бронзовых тел.

Умом ее природа не обидела. Получив престижное образование в области юриспруденции и работу в одной из адвокатских фирм города, Лиза ухитрилась сохранить почти детскую непосредственность и даже некоторую наивность. Практическая сметка если у нее и присутствовала, то в зачаточном, неразвитом состоянии. Каким образом Дубровской удалось заткнуть за пояс прожженных охотниц за толстым кошельком и стать законной супругой самого перспективного бизнесмена в огромном городе, было непонятно. Оставалось списывать все только на волю капризного случая и удивительного везения неизвестно откуда взявшейся девицы.

Любители чужих тайн пытались отыскать разгадку в происхождении невесты, но тщетно! Да, Лиза была дочерью влиятельного регионального чиновника Германа Дубровского, имевшего все шансы продолжить свою карьеру на самой вершине власти. Но его скоропостижная смерть поставила точку в далеко идущих планах и внесла неприятные коррективы в жизнь домочадцев. Семья, состоящая из светской красавицы-жены, дочери и школьника-сына, за год спустила небольшое наследство, а служебные привилегии кормильца испарились сами собой. И если бы не чудесный взлет Елизаветы на самую верхушку деловой элиты большого города, ловить бы ей птицу счастья и дальше, перебиваясь от случая к случаю скромными заработками начинающего адвоката.

Оказавшись в большом загородном доме мужа, напичканном внушительным количеством прислуги, Дубровская поначалу испытала шок. Шло время. Она немного освоилась, но привычка ходить по краешку ковра, избегать общения с суровой домоправительницей и боязнь отдавать распоряжения так и остались. А вокруг было столько примеров успешных женщин! Лиза корила себя за стеснительность, злилась и давала себе обещания исправиться, но ее проблемы замкнулись кругом, из которого не было выхода...

Вывернув содержимое дорожной сумки на кровать, она горестно вздохнула. Отвратительно быть такой бездарностью в вопросах, которые для большинства женщин окажутся сущей безделицей. Лиза перевернула одежду и еще раз заглянула в сумку, по-детски надеясь, что сказочная фея подсунула ей неожиданный подарок, который разом решит все ее проблемы. Но на дне покоилась лишь тоненькая голубая папка, которую Дубровская успела прихватить с собой из юридической консультации.

«Прошу привлечь моего мужа к уголовной ответственности...» – гласила грозная надпись на первом листе. Но Лиза слишком хорошо знала, что за видимой суровостью документа скрывались отчаяние, страх и боль женщины с печальными глазами. Это был вынужденный шаг, который жертва домашнего насилия сделала не без труда. «Он меня убьет! – говорила она, глотая слезы. – Вы должны остановить его». И Дубровская понимала, что это не пустые слова. Конечно, у нее нет полномочий арестовать негодяя, нет крепких мускулов, чтобы поставить его на место. Но она знает закон. Стало быть, выход из непростой семей-

ной драмы обязательно найдется. Ей нужно лишь немного времени, чтобы наметить план действий.

Дубровская с гордостью подумала, что ее знания и небольшой адвокатский опыт могут принести ощутимую пользу. Как ни верги, это намного сложнее, чем подобрать правильный тон пудры к цвету лица. Посмотрела бы она, как ступевались бы светские красавицы, доведись им выступать с защитительной речью под сводами областного суда! Когда на тебя направлены десятки глаз, когда каждое твое слово оценивается – тогда вряд ли поможет тебе умение разбираться в тенденциях осенне-зимней коллекции одежды. И аромат дорогих духов не заглушит дрожащий тихий голос.

Но сегодняшней вечер – это не стадия прений в очередном уголовном деле. Значит, все-таки придется отложить в сторону кодексы и решить наконец проблему, какой бы глупой она ей ни казалась. Будь что будет! Она выйдет к приятелям своего мужа и примет участие в этой нелепой затее. Но изображать из себя ведьму? Увольте! Она обойдется простым черным платьем и маской. Быть может, под этой картонкой, с прорезями для глаз, никто и не заметит ее смущения...

В дверь вежливо постучали.

– Елизавета Германовна! Вас ждут.

Это был Ян, приятный молодой человек, подвизавшийся с недавних пор у ее супруга кем-то вроде охранника и водителя в одном лице. Андрей нанял его через агентство и фактически навязал Елизавете его услуги. Дубровская отвратительно водила машину и время от времени попадала в рискованные ситуации. Избавив себя тем самым от головной боли за свою неразумную жену, Мерцалов с головой ушел в бизнес...

Лиза вздохнула. Как ей хотелось оказаться на месте этого молодого мужчины! Ему не придется прятать лицо под маской и вести пустую светскую беседу. Он сядет в стороне, возьмет в руки газету и будет изредка отрываться от строк, услышав чью-либо слишком громкую реплику или заразительный смех. Возможно, он даже посмеется в душе над ними, взрослыми людьми, забавляющимися, как дети. А может, отметит про себя никчемность своей молодой хозяйки, не умеющей веселиться и робеющей, как школьница. Конечно, он и бровью не поведет (он хорошо воспитан), но почувствует к ней что-то похожее на жалость или пренебрежение.

Ну, довольно о нем. Ей пора идти, и, если удача будет сегодня на ее стороне, вечер пройдет размеренно и скучно. Слишком бурное веселье в новой компании ничего хорошего не сулило.

Дубровская открыла дверь. Уже смеркалось. Фонари отбрасывали свет на крыльцо дачного домика, а полная луна уже успела занять свое место на небе. Ночь стояла на пороге, обещая искушающим ее людям море веселья и бездну ужаса...

– О великий бог ночи! Яви нам свое присутствие. Позволь приоткрыть врата тьмы и войти в твое царство. Позволь пройти тропой призраков, пересечь долину зла и подняться на вершину блаженства. Будь снисходителен к нам, ибо мы смертные...

Эмма громким шепотом произносила слова старого заклинания. Когда она поднимала руки вверх, браслеты на ее запястьях, звякая, опалили ближе к локтям. Кулон в виде сердца подрагивал в ложбинке между полными грудями. Глаза были опущены, губы быстро шевелились.

Она сидела за круглым столом, на котором мелом были начертаны пентаграмма и еще какие-то значки в виде римских цифр и латинских букв. Фонарь в беседке легко покачивался и скрипел, то ли от ночного ветерка, то ли действительно от присутствия чего-то потустороннего, необъяснимого. По лицам людей пробегали тени.

Дубровская содрогнулась. Ночь была прохладной, и она успела основательно промерзнуть. Ноги в легких туфлях превратились в ледышки. Еще немного, и она начнет шмыгать носом. Спрятав ладони в складках платья, она оглядела присутствующих. Маска была идеальным прикрытием. Она позволяла беззастенчиво разглядывать новых знакомых, не рискуя быть уличенной в дурных манерах...

Помимо нее и увлеченной гаданием Эммы за столом находились две молодые женщины. Одна из них, очаровательное капризное создание с целой шапкой золотистых кудряшек на голове, иронически щурилась. Она ни на минуту не прониклась мрачной торжественностью момента, а только покусывала пухлые губки, чтобы не расхохотаться. Это была Лара, жена одного высокопоставленного чиновника из мэрии, поэтому она смотрела на гостей немного пренебрежительно. Легонько постукивая длинным ногтем по столешнице, она вызывала явное неодобрение Эммы. Та уже несколько раз сбивалась с заранее заученного текста и бросала на Лару недовольные взгляды.

Другая женщина была если и не старше Лары, то серьезнее ее в несколько раз. Она держалась за краешек стола, вытянув вперед шею, и старалась не пропустить ни слова из цветистой речи колдуньи. Кажется, ее звали Мария. Она, в свою очередь, являлась женой директора развлекательного канала, но представительницей богемы ее нельзя было назвать даже с натяжкой. Женщина была начисто лишена светского лоска и в довольно дорогом костюме походила на рабочую лошадь, облаченную в парадную сбрую. Во всей ее позе сквозило напряжение, во взгляде – настороженность.

Она иногда смотрела в сторону супруга, высокого вальяжного мужчины с сигарой в руках. Константин стоял, облокотившись на перила, пускал в холодный воздух кольца вонючего дыма и делал вид, что не имеет к собравшимся никакого отношения. Это, впрочем, относилось и к его жене, с которой за весь вечер он вряд ли обмолвился хоть парой фраз. Это был хрестоматийный «новый русский», именно такой, каким их принято изображать в народном фольклоре. И пусть малиновый пиджак у него заменяла модная замшевая куртка на молнии, сути дела это не меняло. Он был и оставался таким, как есть, с преувеличенным чувством собственного достоинства, широкими жестами и масляным взглядом. Константин Кротов обретался в порочных кругах шоу-бизнеса, и это обстоятельство не только освободило его от всякого рода комплексов, но еще и наградило нахальством и бесцеремонностью. Явившись на званую вечеринку, он с непосредственностью кинозвезды поприветствовал собравшихся небрежным кивком головы и тут же распечатал коробку с кубинскими сигарами. Пустив дым в глаза гостям, в самом прямом смысле этого выражения, он принял живописную позу у перил и застыл, словно дожидаясь аплодисментов. На левой руке у него не хватало большого пальца. Это, впрочем, не особо мешало ему жить, поскольку остальными пальцами он управлялся весьма проворно.

Чиновник из ближайшего окружения мэра вид имел озабоченный. Петр Иванович, мужчина совсем еще молодых лет, на мир смотрел глазами ответственного работника, так что даже в неформальной обстановке к нему неловко было обратиться по имени. Он чрезвычайно дорожил своей репутацией и не позволял никому, даже собственной супруге, бросать на нее тень. Сегодня очаровательная Лара выпила несколько бокалов шампанского и была не в меру разговорлива, что держало его в напряжении. Он хмурился и был готов к тому, чтобы при первом же удобном моменте отвести жену в дачный домик от греха подальше.

Еще один гость, видный мужчина с изящным профилем, подпирал собой решетчатую стену беседки. Он сложил на груди руки и без особого интереса наблюдал за гаданием. Будучи человеком научным, хорошо разбирающимся в медицине, он знал жизнь с изнаночной стороны и поэтому не верил ни в черта, ни в дьявола. К подобной чепухе он относился философски, как к забаве. Если люди любят щекотать себе нервы, то что в этом дурного?

Он пришел без пары, и, насколько это было известно Елизавете, в настоящий момент ему еще не удалось оправиться после бракоразводного процесса, третьего по счету. Известный пластический хирург Павел Грек любил женщин, неоднократно в них разочаровывался, но не терял оптимизма. На настоящий момент он был «в поиске», и Дубровская смутно подозревала, что незамужняя Эмма уже положила на него глаз...

Ян находился неподалеку, и Дубровская была рада его присутствию. Он «замещал» вечно занятого мужа и создавал иллюзию того, что Елизавета была не одна среди этих мало-знакомых и, по сути, не особо нуждающихся друг в друге людей.

– ...Солнце ушло на восток.
Тьма поднялась с запада.
Духи воздуха и песка, моря и пламени,
Явите ко мне ангела смерти.
С ветром посылаю эти слова,
Верните мне смерть прямо сейчас!

На последних словах руки колдуньи, до этого времени рассеянно поглаживающие магическую символику, начертанную мелом, внезапно взлетели вверх и тут же опустились, громко стукнув ладонями по столешнице. Фонарь, качнувшись на ветру, издал странный скрежет, больше похожий на стон. Дубровская вздрогнула от неожиданности.

За спиной раздалось осторожное покашливание.

– Позвольте вам заметить, милая, что солнце встает на востоке, а заходит, соответственно, на западе.

Конечно, комментарий Петра Ивановича прозвучал не вовремя и не к месту. Чиновник, привыкший руководить и направлять, не мог простить гадалке неточность. Он был страшным педантом, а чтение нравоучений всегда было его слабостью.

Эмма вытаращила на него глаза, не понимая, очевидно, о чем речь. Зато Лара, прочувствовав ситуацию, начала смеяться.

– О боже! Петр Иванович, ты такой зануда. Ну кто будет обращать внимание на подобные мелочи, если речь идет о магии?

Чиновник напрягся. Свободомыслие жены ничего хорошего не сулило. Шампанское уже вовсю играло в ее голове, и пусть пока она еще соблюдала определенные рамки, но интуиция подсказывала ему, что добром дело не кончится. Если так пойдет и дальше, то она забудет его имя-отчество и начнет величать «петушком», по домашней привычке. Спору нет, в интимной атмосфере он прощал ей маленькие слабости и даже потворствовал им, но на людях он всегда проявлял жесткость и принципиальность.

Петр Иванович взял было супругу за руку, как вдруг у нее нашелся союзник в лице дамского угодника – врача.

– Конечно, искать в заклинаниях логику и смысл – это все равно что требовать от гадалки диплом об ученой степени, – произнес хирург, улыбкой поддерживая захмелевшую даму. – Если солнце встает на западе, значит, так тому и быть. Если крысиным хвостом, зарытым в полночь на кладбище, можно снять с человека порчу, извольте – ищите крысу и отрубайте у нее хвост! Все эти мистические ритуалы никакой научной основы под собой не имеют.

– Вот-вот, – многозначительно прищурился бизнесмен и стряхнул пепел с сигары в цветочный горшок. – Все эти бабские штучки ими же и созданы для разведения лохов. Но меня, слава богу, этим не проймешь. Тьма какая-то, черти – тьфу! Чушь! А ты, поди, в это веришь?

Он ткнул пальцем жену. Та нервно дернулась и залилась краской.

– Я... я не знаю. Но вообще-то гадание не приносит вреда. Это иногда даже забавно. Она улыбнулась какой-то жалкой, затравленной улыбкой.

Лиза подумала о том, как нелепо выглядит эта женщина в костюме ведьмы. Щедро подведенные тушью глаза, кроваво-красные губы, высоко взбитые волосы цвета воронова крыла и нелепая накидка поверх модного жакета казались несмелой претензией на известный сказочный персонаж. Но ни малейшей искры во взгляде, только настороженность и, пожалуй, страх. Мария казалась закованной в избранный ею образ, как средневековый рыцарь в доспехи. Она опасливо поглядывала в сторону супруга, словно ожидала от него очередной нахлобучки.

Критика последовала с другой стороны:

– Забавно?! Да такой подход ничего, кроме вреда, не приносит. Взять этот... как его? Хэллоуин. Что означает этот праздник и почему мы отмечаем его в России? Ответственно заявляю, что никаких исторических истоков вы к этому не найдете. Он чужд нашей культуре и забивает мозги наших соотечественников западной ересью...

Петр Иванович уселся на любимого конька и даже на время забыл о собственной супруге, которая, воспользовавшись моментом, пригубила свежий бокал с шампанским.

– ...рядиться в бесов, изображать из себя всякую нечисть – какой в этом смысл? Чему хорошему этот праздник может научить нашу молодежь? Неокрепшие умы могут быть спровоцированы...

– А по-моему, никакого криминала в этом нет, – неожиданно для себя самой вставила Дубровская. – Ведь это же здорово, хотя бы одну ночь побыть детьми: нарисовать на лице черные полосы, вставить клыки. Разве вы, когда были ребенком, не любили страшные сказки про ведьм и мертвецов? А может, вы на спор бегали с друзьями ночью на кладбище?

Чиновник опешил, словно в его присутствии и в его адрес сказали какую-то непристойность. Лара подавилась шампанским:

– Вот умора! Да ты, деточка, думаешь, что Петр Иванович был малышом? Да он родился на свет по резолюции, спущенной сверху, со Сводом законов в руках и гербовой печатью вместо соски!

Петр Иванович побагровел. Его худшие опасения, похоже, сбывались. Странно, зачем он вообще согласился принять участие в вечеринке подобного рода?

Миротворцем выступил хирург:

– Да успокойтесь вы! К чему споры? Петр Иванович, как государственный муж, пытается рассуждать рационально. Уважаемый вы наш, вы абсолютно правы! Никакого проку в этом празднике нет...

– Я же говорил... – начал было чиновник, но хирург жестом фокусника остановил грозящее окружающим словоизвержение:

– Но и вреда никакого нет также! Если нашим прекрасным дамам хочется изображать из себя ведьм – я возражать не буду. Чудная забава, незабываемый досуг – кому от этого плохо?

– Кроме того, все ведьмы чертовски темпераментны. Заводят с полоборота! – заржал Константин. – Я был бы не против зажать такую в темном углу и отходить по полной программе.

Мария прикрыла лицо руками, пытаясь скрыть замешательство. Петр Иванович вздохнул, осознав, что союзников в этом сборище ему все равно не отыскать...

Реплика Эммы прозвучала неожиданно:

– Господа, я так понимаю, вы относитесь к магическому ритуалу как к глупой забаве? Вы полагаете, что, произнося древние заклинания, я разыгрываю перед вами спектакль?!

Она обвела присутствующих долгим взглядом.

– Ой, ради всего святого, Эмма! – хихикнула Лара. – Не делай страшные глаза. Ты сама-то в это веришь?

Эмма сделала вид, что не расслышала реплику. Она вытирала платком пальцы, испачканные мелом: делала это медленно, тщательно, словно каждое движение имело какой-то особый смысл. Спрятав платок в сумочку, она еще раз оглядела гостей.

– В этот день, согласно верованиям древних людей, открывались врата между миром мертвых и миром живых. Люди опасались выходить в темное время на улицу.

– Почему? – затаив дыхание, спросила Мария.

– Как почему? – встрял хирург. – Силы зла властвуют безраздельно. Бойся, грешница!

Он скалил зубы. Эмма если и обиделась на столь несерьезное отношение к своим словам, то не подала виду. Как ни в чем не бывало она продолжила:

– В эту ночь появляется уникальная возможность заглянуть в прошлое, увидеть настоящее и предсказать будущее. Неужели это не интересно?

– Боюсь, милая, наше прошлое не столь занимательно, – немедленно отозвался чиновник. – Здесь собрались люди, которые уже кое-чего добились в жизни, имеют в обществе определенный вес и даже, не побоюсь этого слова, известность.

Петр Иванович проявил почти королевское снисхождение, благосклонно причислив всех присутствующих к элитарному сообществу.

– Так что искать в нашем прошлом загадки – только время зря терять. Все размеренно, по программе и в срок! Ничего, что могло бы заинтересовать широкую публику.

– Ну, разве что кто-то из нас подкорректировал торчащие уши или удалил жир с бедер. Тише-тише, дамы, я говорю абстрактно, – улыбкой остановил хирург негодование женской половины компании.

– А кто-то, возможно, допустил небольшую неточность в декларации о доходах, – не осталась в долгу Лара. – Я тоже никого конкретно не имею в виду, а говорю просто так, для примера.

– Да и маленькие мужские шалости вряд ли кому-то будут интересны, – поддался общему настроению Константин. – Ну, если я, к примеру, люблю глазеть на женщин в коротких юбках, не назовете же вы меня за это извращенцем? Кстати, классе в пятом мне изрядно досталось от смазливой соседки по подъезду. Я всего-навсего задрал ей подол. Ничего, кроме трусов в цветочек, я не увидел. Клянусь!

Он, дурачась, задрал вверх руки.

– Не эта ли милая девчушка откусила тебе в отместку палец? – любопытствовала Лара.

– Нет. Это тоже отметина детства. Играл с приятелями в саперов – вот и нарвался на неприятности...

– Постойте! – прервала разговор Эмма. – Вы слишком много говорите. Все вы. Меня не интересуют воспоминания вашего детства и те мелкие грешки, которыми вы так охотно делитесь с окружающими. Меня интригует то, что спрятано в вашем шкафу. То, что вы не спешите демонстрировать, то, о чем вы стараетесь даже не думать.

– Не пойму, о чем это она? – удивился Константин. – Ее интересует содержимое моего шкафа?

– Мне хочется знать о тех скелетах, которые вы там храните, – заявила Эмма, и ее глаза недобро блеснули. – Я, конечно, выражаюсь образно. Благодаря магии я могу вытащить все ваши секреты на свет божий. Только уютно вам будет находиться среди нас без маски?

– Меня этот разговор изрядно утомил! – схватилась за виски Лара. – И вообще, милочка, ты могла бы составить программу для вечера немного забавнее. К чему эти мрачные намеки?

– Действительно, – поддакнул Петр Иванович. – Меня подобная атмосфера напрягает. Конечно, я ни на минуту не воспринял все эти недосказанности на свой счет, но всему есть разумный предел. Думаю, что мы приятнее проведем время за просмотром телепередач.

Он подал руку жене, предлагая ей удалиться. Лара хмурилась, не зная, какое решение принять. Эмма наблюдала за этой сценой с какой-то нехорошей улыбкой.

– Вы чего-то боитесь? – спросила она.

– Чего? – изобразила удивление жена чиновника.

Эмма многозначительно пожала плечами.

– Нам нечего бояться! – отрезал Петр Иванович.

– Тогда предлагаю вам остаться, и пусть наша дорогая ведьма проведет сеанс с разоблачением, – усмехнулся хирург.

– А вы не боитесь разоблачений? – повернулась к нему Эмма.

Грек развел руками:

– Милая моя, я не боюсь ничего. Того, кто наблюдает жизнь не только снаружи, но и изнутри, не напугать. Я вижу каждого из вас в разрезе. Причем, обратите внимание, я выражаюсь не образно, а буквально.

– Пусть девушка гадает! – махнул рукой Константин. – В конце концов, будет повод посмеяться. Не нужно воспринимать все это всерьез.

– Это уж как вам будет угодно, – недовольно заметила Эмма. – Но, боюсь, мои открытия не доставят вам удовольствия. Знаете, роскошное платье не всегда скрывает безупречное тело.

– С этим я с профессиональной точки зрения согласен, – кивнул головой пластический хирург.

– Пусть душа ваша незрима, но она может быть искалечена не меньше, чем тело уроды, – продолжала Эмма, и странная ухмылка блуждала на ее лице. – Вам известно, как горят шрамы? Это бывает обычно по ночам, когда вы остаетесь один на один со своей совестью. Что вы чувствуете тогда? Раскаяние? Стыд? А может, вы не чувствуете ничего. Потому, что душа ваша уже не принадлежит вам. Она давно продана дьяволу. Но довольно об этом...

Она полезла в сумочку и достала оттуда флакон с прозрачной жидкостью и кожаный мешочек, перевязанный лентой. Как из воздуха на столе вдруг материализовались курильница и песочные часы. Эмма невнятно бормотала что-то себе под нос: не то напевала, не то произносила какие-то заклинания. Расставив все эти предметы на столе, она улыбнулась, должно быть, первый раз за весь вечер.

– Я не ищу для вас зла и не хочу навязывать вам свое общество. Я лишь предлагаю вам правила игры. Передо мной – песочные часы. Сейчас я их переверну, и время пойдет. Вы можете встать и уйти. Тогда мои разоблачения не коснутся вас. Я даже не спрошу, чем вызван ваш уход. Вы можете остаться, но тогда будьте готовы к неожиданностям. Я приму ваш вызов. Хочу надеяться, что провидение будет благосклонно к вам и вы не услышите ничего из того, что вы привыкли прятать на антресолях своей души...

Ее рука, унизанная браслетами, потянулась к часам. Секунда – и песок тонкой струйкой потек по стеклянной колбе вниз. Отсчет пошел...

Удивительно, но никто из присутствующих не рассмеялся, как можно было ожидать. Никто не вышел. Только Мария, нервно встрепенувшись, оглянулась на супруга. Тот взглядом пригвоздил ее к месту, а сам, демонстрируя спокойствие и выдержку, потянулся за очередной сигарой.

Дубровская чувствовала, что примерзает к месту. Ночь оказалась намного свежее, чем она могла предположить, а события этого вечера приняли интригующий оборот, так

что сохранять невозмутимость ей удавалось с трудом. Она пыталась сжимать и разжимать пальцы ног, чтобы хоть немного восстановить их чувствительность, но они были неподвижны, словно выточены из камня. Она перевела взгляд на присутствующих.

Лара, закинув ногу на ногу, улыбалась. Она делала вид, что ей все нипочем. Обещанные разоблачения казались ей забавой, и она никак не могла взять в толк, почему Петр Иванович не разделяет ее веселья. Тот все время сверялся со своими часами, как будто опаздывал на деловую встречу. Она могла дать голову на отсечение, что ее занятой супруг остался здесь не по причине излишнего любопытства, а только потому, что его внезапный уход мог бы вызвать подозрения в том, что у него нечиста совесть. А этого Петр Иванович допустить не мог. Он вынужден был принять чужие правила игры, что было для него совершенно несвойственно.

Мария краешком глаза поглядывала на мужа, но не решалась ничего предпринимать. Она сидела как изваяние, не смея нарушить тишину даже вздохом. Песок утекал, и ей становилось совсем не по себе. Но вонючий дым сигары напоминал, что за ее спиной стоит Константин, властный и нетерпеливый, не терпящий возражений. Она не хотела раздражать его своим неуместным страхом, и поэтому ей оставалось только тупо следить за растущей горкой песка и ждать, чем закончится вся эта бредовая затея.

Павел Грек зевал, прикрыв рот холеной рукой. Но его глаза тем не менее были прикованы к злосчастным часам. Было что-то необъяснимо пугающее в той непрерывности, с которой эта допотопная вещица отсчитывала время. Не было силы, способной остановить этот процесс. Мгновения неумолимо утекали в прошлое, не задерживаясь и не цепляясь за настоящее... Последние песчинки сорвались и исчезли в море им подобных. Время истекло.

Эмма медленно подняла глаза:

– Я давала вам право выбора. Теперь у вас этой возможности нет...

Она не успела ничего добавить: раздалась шага. Ступени заскрипели. Из полумрака появилась крупная мужская фигура.

– Добрый вечер! – Голос звучал дружелюбно.

Крепкие руки легли на плечи Дубровской. Губы коснулись ее волос. Сердце, встрепенувшись, забило быстрее.

– Маска, я тебя знаю?

Этот тихий, бархатный голос был ей хорошо знаком. Ну конечно, это был Андрей! Он пришел, и Елизавета почти физически ощутила, что ей стало намного легче. Даже в озябших ногах вдруг запульсировала кровь, а щеки стали горячими.

Дубровская счастливо улыбалась. Ее муж появился как нельзя кстати. Признаться, эксперименты Эммы вывели ее из состояния равновесия, и она чувствовала себя так, будто ей предстояло сдать какой-то невероятно сложный экзамен, пройти через какое-то испытание. Ну что ж, теперь они пройдут его вместе. Им нечего бояться. Они знают друг о друге все. А разве может быть иначе?

– Надеюсь, я не пропустил ничего из того, о чем буду жалеть всю оставшуюся жизнь? – весело осведомился он.

– Нет, гвоздь программы еще впереди! – кокетливо заметила Лара.

– Вот как?

– Через несколько минут, Мерцалов, мы будем знать все твои тайны, – с усмешкой сообщил Константин. – Эмма проводит сеанс разоблачений.

– Так что, дорогой, у тебя есть еще время. Бери молодую жену и сматывай удочки в направлении домика, – шутливо посоветовал хирург. – Вдруг груз твоих грехов станет непосильной ношей для твоей половины? Послушай меня, старого и больного ветерана трех

супружеских войн: женщине незачем знать твое прошлое, ее должно интересовать только твое будущее.

– Нет, мы останемся, – заявила Дубровская. – У нас нет секретов друг от друга. Да и от вас нам скрывать нечего.

– Ты уверена? – с преувеличенной серьезностью спросил ее Андрей.

– На все сто! – не задумываясь, ответила Лиза.

– Ну, тогда мы остаемся, – развел он руками.

Руки Эммы непрерывно кружили в сизом тумане. Содержимое кожаного мешочка тлело в курительнице, распространяя вокруг аромат не то каких-то экзотических цветов, не то неизвестных тропических фруктов. Свечи трепетали от движения ночного воздуха. Фонарь продолжал скрипеть над головой.

Глаза вещуньи были прикрыты. Губы непрерывно произносили слова каких-то заклинаний. Внезапно, не то от легкого порыва ветра, не то от других малообъяснимых причин, легкая струйка дыма, стоящая в воздухе вертикальным столбом, изменила свое направление. Лара не выдержала и чихнула.

– Фу-ты черт! Я сейчас задохнусь от этой вони, – капризно произнесла она.

Эмма открыла глаза.

– Это знак. Бог ночи указал на вас.

– Ну и что он там указал?

– Не торопись. Всеу свое время. – Эмма опять закрыла глаза и что-то очень быстро зашептала.

Жена чиновника хотела было возмутиться, но тут голос Эммы, глухой и неузнаваемый, начал звучать громче:

– Темнота рассеивается. Что вижу я? Большое серое здание, казенный дом. Сюда есть вход. Вот только выхода нет. Здесь звучит детский плач, но он не доносится до твоих ушей. Тревожит ли он тебя по ночам? По всей видимости, нет. Отгороженная от реальности дорожками белого снега, ты витаешь в своем выдуманном мире, где каждый твой шаг достоин зрительских оваций. Тебя превозносят, тебя любят. Вот только любишь ли ты? Где *то*, что ты погубила ради своей болезненной прихоти? *Оно* еще живо. Но ты никогда не придешь сюда, не помотришь на *это*, не возьмешь *это* на руки и не назовешь своим. Но что это? Свет погас...

Эмма открыла глаза и взглянула на Лару.

– Знаком ли тебе тот дом, о котором говорил голос?

Та взвилась с места, словно только и дожидалась этого вопроса:

– Я не понимаю, о чем ты. Какой дом? Какой плач? Я не собираюсь комментировать эту чушь.

– И правильно делаешь, – раздался жесткий голос Петра Ивановича. – Я вообще удивляюсь, почему мы, известные, уважаемые в городе люди, вот уже два часа слушаем это словоблудие. Я не понимаю ваших намеков, сударыня, но подозреваю, что вы хотите каким-то образом скомпрометировать нас.

– А я думаю, вы поняли, о чем речь, – спокойно произнесла Эмма, отправляя в курительницу очередную порцию ароматических трав. – Иначе вы не реагировали бы так бурно.

– А нельзя ли конкретней, мадам гадалка? – влез Константин. – Признаюсь честно, я ни черта не понял. Нельзя ли сказать просто, в чем виновата эта милая женщина?

– Я сказала все, – твердо ответила Эмма. – Может, теперь коснемся вас? Я надеюсь, вы проявите большее мужество?

– Лара, идем отсюда сейчас же! – потребовал чиновник.

– Черта с два! – окрысилась супруга. – После того, как меня обвинили в каких-то непонятных грехах, я уйду отсюда и позволю трепать мое имя в досужих вымыслах? Я хочу узнать, что эта самозванка скажет о других. Я так поняла, что все должны получить свою порцию дегтя. Не стоит отказывать себе в удовольствии послушать, что она припасла для наших друзей.

– Лара! – умоляюще произнес чиновник, но, поняв, что сдвинуть жену с места не сможет даже бронетранспортер, махнул рукой.

Тем временем Эмма повторяла ритуал. Ее лицо в сизой завесе дыма казалось страшным, словно в эту даму, немного экстравагантную, но все же здравомыслящую, вселился не то дух, не то бес. Если в этом, конечно, есть разница. Это была уже не та хохотушка и выдумщица, какой ее обычно привыкли видеть друзья. Откуда взялось хотя бы это выражение злобного торжества на ее лице? Возникло впечатление, что ей доставляло удовольствие рассуждать о двуличии близких ей людей.

– ... Можно ли опуститься ниже того уровня, где ты находишься сейчас? Возможно все. Возьми в руки хлыст и выпусти беса наружу! Тебя заводит вид крови? А может, стоны и плач будят твое воображение? Сними свою маску, стань на минуту самим собой. Кого ты увидишь в зеркале? Животное? Нет! У тебя нет необходимости убивать ради пищи. Тобой движет инстинкт зверя, но ты сыт. Вспомни, что такое боль. Ощути ее на себе. Быть может, она тебе укажет путь к спасению...

– Все ясно, Константин, – резюмировал хирург. – Ты – законченный садист в лучшем случае. В худшем тебе грозит срок за убийство.

– Что за туфта? – возмутился бизнесмен. – С чего бы мне кого-то убивать? И почему это я похож на животное?

– Ты плохо следишь за нитью повествования, дорогой, – не унимался врач. – Если я правильно понял нашу предсказательницу, тебя опустили куда ниже жирафа. Так что, если вспомнить теорию эволюции, ты находишься сейчас где-то на уровне простейших.

– ... А ты, ловкий портной, закройщик новых лиц, ты можешь оперировать совесть? – продолжила Эмма.

– Вот и до тебя добрались, – с удовлетворением заметил Константин. – Сейчас и ты получишь по полной программе.

– ... Ты можешь почти все. Что стоит тебе выкроить безупречную фигуру или греческий нос; обмануть время, убрав ненужные десятки лет. Ты идешь вопреки божьему замыслу, творя новую наружность для нового человека. Ты почти всемогущ. Но так думаешь только ты. Есть то, что ты не в силах изменить. Душу перекроить невозможно. Убийце ты не сможешь пришить доброту и сострадание, не получится убрать клеймо с его души. А кровь на его руках испачкала и твои руки. Разве ты не видишь эти пятна?

Павел слушал откровение предсказательницы, иронически улыбаясь. Он только поменял позу: прислонился к перилам, причем руки убрал за спину. Вроде ничего странного, но в свете обвинений Эммы это выглядело почти символично.

В курительнице продолжали тлеть засушенные травы, вот только аромат их стал терпким. Дубровская почувствовала трепет. Подходила их очередь, и, хотя для беспокойства не было решительно никаких оснований, Лиза ощутила холодок в груди. Ничего особенного. Но он рос, ширился, заполнял все ее естество, так что стало больно дышать. Она разумом понимала, что это глупо, но ничего не могла с собой поделать.

– ... Ты боишься своих снов? Как ты относишься к кошмарам? Ты кричишь по ночам? Тебя можно понять. Кровавая река, текущая среди скал, кого угодно сведет с ума. И ничего уже нельзя изменить. Тот мостик был так же шаток, как и твоя память. Твое прошлое рухнуло вниз, на острые камни. Все ли разбилось? Поспешу тебя удивить: нет, не все. Кое-что осталось. Надеюсь, сегодняшней ночью тебе приснится кошмар...

Елизавета не видела лица Андрея, но почувствовала, что его рука сжала ей плечо. Она побоялась оглянуться, хотя внутренний голос навязчиво шептал ей: «Ну же! Ты должна видеть его глаза. Тебе все сразу станет ясно». Но она сидела как ни в чем не бывало и смотрела вперед сквозь завесу дыма. Она не стремилась знать правду. Ее устраивала призрачность. Слова Эммы звучали так обтекаемо...

Тем временем новоявленная колдунья достала из очередного пакетика какой-то порошок и бросила его в тлеющую траву. Лица присутствующих озарила вспышка. Дамы невольно отшатнулись от стола. Но никто не покинул беседку. Никто не ушел.

—...Я силы колдовские призываю в час полночный,
Средь нас есть дьявол в человеческом обличье.
Он гладок речью и статью вышел,
Вот только метит шельму бог, гласит поверье,
Он носит метку сатаны с рожденья,
Кровавый шлейф за ним течет рекой,
Из душ загубленных наживы ради,
И вряд ли он найдет себе покой
В земле, на небе или на водной глади...

Огонь погас. Эмма обвела всех долгим взглядом.

– Это достойно аплодисментов, – саркастически заметил хирург и даже несколько раз демонстративно хлопнул в ладоши. – Наша вещунья перешла на поэзию. Еще немного, и мы услышим пение.

– Ну, лично я этого дожидаться не собираюсь, – резко заметил Петр Иванович. – С меня довольно! Ты остаешься?

Вопрос был адресован, разумеется, супруге. Лара пожала плечами, но все-таки встала. Она нетвердо держалась на ногах.

– Чертовы каблуки, – проворчала жена чиновника, стараясь сгладить неловкость в глазах окружающих. – Но все-таки, Эмма, ты была неконкретна. Что ты имела в виду?

Бедный Петр Иванович пошел пятнами. Он дернул супругу за руку так, что она едва не потеряла равновесие.

– Вам нужна конкретика? – подняла брови Эмма.

– Оставьте ее при себе! – разозлился чиновник.

– Меня интересует только последний пункт. Насчет дьявола, – подал голос Грек. – Я так понимаю, что одного из нас вы обвинили в убийстве. Это, милая, серьезная вещь. Надеюсь, у вас есть к этому основания?

– У меня есть доказательства! – отозвалась Эмма. – Кассета... И я могу ее показать...

– Ну а кто это? – задал вопрос Андрей. – Полагаю, что женщин вы из этого списка исключаете.

– Разве я что-то говорила про пол?

– Но в ваших стихотворных экзерсисах звучало конкретное местоимение – «он»?

– Не надо понимать все буквально! – вспыхнула Эмма. – Тот человек, которому были адресованы последние строки, не ошибется.

– Зачем тогда было пудрить всем мозги? – возмутился Константин. – Навели тень на плетень. Травы там всякая, свечки, присказки дурацкие. Никаких фактов. Сплошной туман.

– А здесь ничего и не могло быть, – зло произнес чиновник. – Глупый фарс со спецэффектами, не более того.

– Э! Да вы забыли, что сегодня Хэллоуин, – опомнилась вдруг Лара. – Это ведь розыгрыш? Я угадала?

Все с надеждой посмотрели на Эмму. Но та еще больше распалилась. Она кидала без порядка в сумку весь свой колдовской инвентарь и что-то бормотала сквозь зубы.

– Вы хотели конкретных имен? Ну что же! Одно из них я вам назову – Стефания Кольцова. Довольны?

– Ну и кто это? – поинтересовался хирург. – Та самая дьяволица?

– Не прикидывайтесь, что впервые слышите это имя. Репортажи с места ее гибели обошли все местные каналы! – перешла на крик Эмма. – Она была моей подругой.

– О боже! Это же... – начала говорить Мария, но, увидев, что на нее все смотрят, разом сникла и зажала рот ладонью.

Константин помрачнел.

– Я могу рассказать все! – в запальчивости говорила Эмма. – Вы хотите это слышать?

– Может быть, позже, – прервал ее Андрей. – На улице чертовски холодно. Я беспокоюсь за свою жену: она насквозь продрогла. Да и у меня зуб на зуб не попадает. Предлагаю встретиться минут через сорок, у камина.

– Идет, – легко согласился Константин. – Время еще детское.

– Мы присоединимся, если все сменят тему вечера и мы сможем наконец расслабиться, – категорично заявил Петр Иванович.

– Дорогой, ничего не имею против. Меня, признаться, достали гадалки и предсказания, – охотно отозвался хирург. – Предлагаю партию в бильярд.

– А он здесь есть? – удивленно воскликнул Константин.

– Здесь есть все: бильярд, баня и запас хорошего пива в холодильнике. Я проверял, – обрадовал мужскую половину хирург.

– А чем займемся мы? – обиженно протянула Лара.

– А вы можете продолжить вашу вечеринку в преисподней! – расхохотался Константин. – К примеру, погадать: кого не будет в живых к утру.

Он сделал страшные глаза и для убедительности высунул язык.

– Очень смешно! – обиделась жена чиновника.

Эмма, которая уже была на ступенях веранды, обернулась:

– Я лично такой возможности не исключаю. Если у кого-то из вас проснется совесть...

– Ты узнаешь об этом первая, – помахал ей рукой хирург.

Елизавета сбросила маску и без сил опустилась на диван.

– Странный какой-то вечер, – произнесла она.

Андрей сел рядом и обнял ее за плечи.

– Твоя беда в том, что ты принимаешь все очень близко к сердцу, – сказал он. – Выброси весь этот бред из головы. В словах Эммы не было и грамма истины. Отдаю ей должное: настроение она умеет портить превосходно.

– В том-то и дело, – отодвинулась от него Лиза. – Если Эмма говорила чепуху, почему никто не смеялся? Может ли испортить настроение чья-то глупая выдумка?

– Еще как может.

– Согласна. Но только тогда, когда в большой лжи есть хотя бы доля правды. Кроме того, у меня сложилось впечатление, что Эмма не шутила.

Андрей порывисто встал.

– Давай оставим в покое Эмму. Признаться, я уже пожалел, что принял ее приглашение. Она всегда была такой: взбалмошной и неразумной. Трудно было ожидать, что она организует что-нибудь стоящее...

Он подошел к большому платяному шкафу и начал что-то искать среди своих вещей.

Елизавета наблюдала за ним с дивана, удивляясь, что ее супруг, обычно веселый и оптимистичный, может так нервничать из-за несвязных речей «взбалмошной и неразумной» девицы.

Он уронил брюки с вешалки и, чертыхаясь, пытался засунуть их обратно. Но, помучившись несколько мгновений, муж швырнул синий с отливом костюм себе под ноги.

– Ну что?! Что? Что ты на меня смотришь? – взвился он вдруг. – Ты хочешь меня о чем-то спросить? Ну так спроси!

Дубровская смотрела на него во все глаза, встревоженная, непонимающая.

– Я не знаю, что имела в виду эта чертова Эмма! – крикнул он. – Я просто не знаю.

Он надал ногой, и дорогая тряпка, взлетев в воздух, мягко шлепнулась вниз. Прямо под ноги оторопевшей супруги.

– Почему ты кричишь? – спросила Лиза, и голос ее задрожал. – Я ни о чем тебя не спрашивала. Что на тебя вдруг нашло?

Андрей остановился, опустив вниз руки, как плети. Ярость, клокотавшая в его груди всего несколько секунд назад, улеглась, словно уничтожила сама себя. Он стал таким же, как прежде, только немного осунувшимся и усталым.

– Прости меня, детка, – произнес он, присаживаясь на пол у ее ног. – У меня был чертовски сложный день. Я просто выпустил пар.

Он обнял ее за колени и посмотрел в лицо так виновато, что Елизавете не оставалось ничего иного, как принять это объяснение.

– Я только хотела разобраться, – прошептала Лиза.

– Конечно, конечно, – согласился он. – Это естественно.

– Значит, ты на меня сердишься?

– Сердиться? За что? Давай расставим все точки над «і», я не хочу больше возвращаться к этому разговору...

Дубровская пожалала плечами. Ей не хотелось ссориться, и, хотя столь бурная реакция собственного супруга испугала и обидела ее, она желала знать правду. Он сам подогрел ее интерес.

– Про себя я ничего не могу сообщить тебе нового, – сказал он. – Мне действительно иногда снятся кошмары, но здесь ничего странного нет. Пусть найдется тот, кто от них избавлен...

Лиза кивала головой, хотя чувствовала какую-то недосказанность. Ее тоже иногда посещали не самые приятные сновидения, но бурно переживать по этому поводу она не собиралась. Гадалка, правда, твердила еще что-то про кровь, но здесь воображение девушки заходило в тупик. Это отчасти успокаивало ее, поскольку было совершенно неправдоподобно. Андрей не мог совершить ничего криминального. Он был ее муж, и она знала его как облупленного.

– Я тебе на пальцах докажу, что все это выдумка от начала до конца. Возьмем, к примеру, Лару и Петра Ивановича. Как они тебе?

Лиза выразительно пожалала плечами.

– Ничего особенного. Он – типичный чинуша. Мне кажется, что он и шагу не сделает, не доложив об этом руководству. Она – капризная жена влиятельного мужчины. Любит шампанское и флирт.

Андрей рассмеялся.

– Ну, ты не далека от истины. Примерно так оно и есть. Он зарабатывает деньги, она их тратит. Кстати, Лара неплохо поет, и у нее есть даже два музыкальных клипа. В связи с этим она любит частенько вздыхать о своей загубленной карьере в шоу-бизнесе.

– Якобы она положила на алтарь семейного счастья все, что могла? – усмехнулась Лиза. – Свои таланты, славу и звездное будущее?

– Вот-вот. Ну, так о чем говорила наша гадалка?

Дубровская нахмурилась.

– Точно повторить не смогу. Но что-то про казенный дом и детский плач. Может, речь шла о каком-то ребенке?

– В том-то и дело, – вздохнул Андрей. – У них никогда не было детей. Но знаю точно, Лара уже много лет лечится от бесплодия. Пока безрезультатно. Петр Иванович просто грезит о наследнике. Не забывай, он – жуткий карьерист. Потомство только упрочило бы его репутацию.

– Со стороны Эммы не очень деликатно выставлять их проблемы на всеобщее обсуждение, – заметила Лиза.

– Согласен. Кто там у нас еще? Константин и его верная Мария.

– Про нее ничего не скажу. Слишком уж она неприметная. А он – плохо воспитанный «малиновый пиджак», – продолжила характеристику гостей Дубровская.

«Интересно, что говорят о нас знакомые Андрея, – мелькнула трусливая мысль. – Возможно, я даже на фоне Марии выглядела бледно. За весь вечер произнесла только пару фраз».

– Константин – человек своеобразный. Он успешно ведет свой бизнес, но в семье его деспотичность просто бросается в глаза.

– Эмма говорила что-то про плетку, – вспомнила Лиза.

– Не удивлюсь, если окажется, что он слегка поколачивает свою безропотную Марию. Вид у нее и вправду забитый.

– Вот видишь! – торжествуя начала Дубровская и осеклась. Андрей мог бы истолковать ее слова неверно. – Значит, хоть в чем-то гадалка говорила правду.

Последнюю фразу она произнесла нерешительно. Но супруг словно ничего не заметил.

– Я не думаю, что в их отношениях все столь ужасно, – сказал он. – Не садист же он, в конце концов. Может, он и отпускает своей благоверной подзатыльники и зуботычины, но не пьет же он у нее кровь!

– И ты говоришь об этом как о самой обыденной вещи?! – возмутилась Лиза. – Это что, нормально – избивать жену?

– Но я же не одобряю его, – отозвался Андрей.

– Кстати, там был еще хирург, – перешла к следующему персонажу Дубровская. У нее не было охоты рассуждать о домашнем насилии.

– Павел Грек? Нормальный мужик. Никакой он не злодей и не убийца, – убежденно произнес Андрей. – Немного слаб по женской части, но это не криминал.

– Судя по словам Эммы, и у него нечиста совесть, – ехидно заметила Лиза. – Если я правильно ее поняла, она намекала на какие-то его профессиональные грехи.

– Как это банально, – зевнул Андрей. – Врачей сейчас не обвиняет только ленивый.

– Значит, твой коллега мог нашалить по врачебной части?

– Почему и нет? – удивился муж. – Есть понятие профессионального риска. Если хирург сделал что-то не так, это еще не значит, что он – убийца.

– В каком-то смысле так оно и есть, – не унималась Лиза.

– Для того, чтобы назвать врача убийцей с точки зрения права, нужно доказать его преступный умысел. Так, что ли, госпожа адвокат?

Дубровская прикусила язык. Милый супруг был абсолютно прав. Вот только почему он успевает соображать куда быстрее ее?

– По-моему, мы никого не забыли, – продолжал он. – Если только тебя...

– Меня? – удивилась Лиза.

– Ну, конечно. Обрати внимание, наша гадалка никого не называла по именам, а все обвинения адресовала парам. За исключением хирурга, конечно.

– И что?

– А то, что угадать было сложно, к кому она обращается. Так что намек на дурные сны мог быть обращен к тебе. Ничего не припоминаешь ужасного в своем прошлом?

Голос его звучал насмешливо.

– Вся моя жизнь – один сплошной кошмар, – в тон ему ответила Дубровская, но веселее ей почему-то не стало. Похоже, она зря потратила время, пытаюсь найти скрытый смысл там, где его и быть не могло.

– Ну, если ты удовлетворена, позволь поторопить тебя, – поднялся на ноги Андрей. – Надевай что-нибудь теплое, и пойдем выйдем к людям. Я надеюсь, ты больше не будешь искать среди них злодеев?

– Последний вопрос, – спохватилась она. – Кто такая Стефания Кольцова?

Может, в комнате было недостаточно светло, но ей показалось, что по лицу супруга пробежала тень. Он полез за чем-то в карман.

– Это журналистка. С ней произошел несчастный случай.

– А... – протянула Лиза, не зная, стоит ли еще задавать вопросы.

Андрей зябко повел плечами. Накинув спортивную куртку, он двинулся к двери.

– Ты меня не подождешь? – удивилась Дубровская.

– Я на минуту. Только покурить, – буднично сообщил он.

Покурить?! Но он не курил уже несколько лет!

Дверь хлопнула, а Лиза так и осталась сидеть на диване. Взгляд ее был направлен в пустоту...

Лара в ярости колотила руками по подушкам.

– Я хочу уехать отсюда немедленно! – орала она.

Петр Иванович носился вокруг кровати кругами, вытирая платком вспотевший лоб. В его руке дрожал стакан воды.

– Успокойся, дорогая. Выпей это, и тебе сразу станет легче.

Жена последовала его совету, однако это ей не помогло успокоиться.

– Скажи, почему я должна здесь оставаться? – не унималась она. – Эти придурки действуют мне на нервы!

Чиновник проявлял поразительное терпение. Он знал, что через несколько минут истерика закончится и с супругой уже можно будет договориться. А пока нужно просто ждать, не обращая внимания на взлетающие к потолку туфли, на невыносимые вопли и площадную брань, извергаемые из ее нежных уст. Она была невероятно хороша в гневе, со сверкающими, как лезвия, чуть раскосыми глазами, растрепанными кудряшками и грудью, которая вздымалась каждый раз, когда Лара выкрикивала очередную непристойность. Как он желал сейчас прижать ее к этим подушкам и... Но это она позволяла ему очень редко.

– Успокойся, милая. Я понимаю, что тебя взволновали слова этой невыносимой Эммы. Я и сам едва сдерживался, – торопливо говорил он, поглаживая ее плечо. – Но, уверяю тебя, никто ничего не понял. Да и что тут можно было разобрать из лепета этой сумасшедшей?!

Его слова подействовали на супругу, как холодный душ. Она отбросила в сторону подушки и даже привстала.

– Ты думаешь, что я расстроилась из-за того, что наговорила эта старая дева?

Он выглядел растерянным.

– Ну, конечно. Ведь она... Разве могло быть что-то еще?

Лара расхохоталась.

– Да я и думать об этом забыла! Нашел из-за чего разыгрывать драму.

Он резко поднялся и отошел к окну. Засунув руки в карманы, он смотрел в черную, непроницаемую ночь, словно где-то там, в крошечной мгле, был ответ на все его вопросы.

– А я не могу забыть, – глухо сказал он. – Я помню *все*...

– Ну, довольно лирики, – оборвала она. – Если мы уедем прямо сейчас, я еще успею на вечеринку в «Галерею». Могу поспорить, что там эта долбаная ночь привидений празднуется куда веселее.

Петр повернулся и взглянул ей прямо в глаза.

– Ты разве не понимаешь, что мы не можем сейчас отсюда уехать?

Она захихикала:

– А что нас держит? Может, ты положил на кого-то глаз? Дамы и вправду были хоть куда: свихнувшаяся без мужского внимания Эмма, забитая кляча Мария и эта... как ее? – Лара сделала уморительную гримасу. – Та, которая весь вечер просидела в маске. Вообще, это твои проблемы. Я уезжаю.

Она встала с кровати, одернула юбку и походкой манекенщицы двинулась к шкафу собирать вещи. Но Петр Иванович был начеку. Поймав супругу за руку, он с силой швырнул ее на кровать. Лара не успела сообразить, чем была вызвана столь быстрая перемена его настроения, как перекошенное яростью лицо мужа оказалось рядом с ее лицом. Глаза смотрели в глаза.

– Это *наши* проблемы, – прошипел он. – И мы будем их решать вместе.

– О чем ты?

– Перейду на простой и доступный тебе язык, – он держал ее железной хваткой. – Я только надеюсь, что слова этой сумасшедшей никто не воспринял всерьез. Но, даже если это и так, проблема никуда не исчезает. Эмма что-то знает. Не думаешь же ты, что она нагадала все это, гоня по веранде дым?

– А если это так?

– Не говори глупостей, – разозлился он. – Я намерен выяснить все до конца. И ты останешься со мной, чтобы ни у кого не возникло ненужных вопросов.

– Что ты собираешься предпринять?

– Переговорить с ней с глазу на глаз. А потом уж действовать по ситуации.

Он посмотрел на нее. Сейчас она выглядела кротко, так, как должна выглядеть безупречная жена человека его уровня. И для того, чтобы продлить воспитательный эффект своей беседы, он решил на крайние меры. Подняв вверх указательный палец, он несколько раз погрозил им супруге. Слова его звучали хлестко:

– Помни! Рухнет моя карьера – ты лишишься всего: своей беспутной жизни, бесконечного хождения по массажам и соляриям и дорогих тряпок. Думаешь, найдется прекрасный принц, который упадет на твои клипы? Взгляни правде в глаза: шестнадцатилетние «старлетки» тебе давно отдавили пятки...

Обычно он такого себе не позволял. Намекать супруге о том, что время немилосердно даже к таким потрясающим красавицам, как она, – было не в его привычках. Ларе едва минуло двадцать пять лет, но к вопросам возрастных изменений она относилась очень болезненно. Он знал ее любимую мозоль и сейчас давил на нее нещадно – такова была ситуация. И супруга его поняла. Вместо того чтобы, по своему обыкновению, закатить скандал и начать поносить его всякими словами из своего неповторимого лексикона, она надолго замолчала. Это был хороший знак. Он мог приниматься за дело...

Голос Константина звучал спокойно, но Мария знала, что ни к чему хорошему это не приведет. Знакомые мурашки пробежали по ее напряженному телу. Она чувствовала кожей, что затишью перед бурей скоро придет конец.

– Ты была очень разговорчива сегодня, – заявил он, рукой поглаживая свой брючный ремень.

Она молчала, понимая, что возражать бесполезно.

– Я не люблю болтливых женщин. Они выглядят отвратительно. Взять хотя бы эту дуру Эмму. Что она трепала сегодня про меня?

Мария подняла испуганные глаза.

– Это было так несвязно. Сомневаюсь, что хоть кто-нибудь мог разобрать ее намеки.

– Да? – улыбка его была нехорошей. – Скажи мне по совести, а ты не говорила того, что не должна была говорить?

– Я не понимаю, – задрожала она.

– А я думаю, понимаешь, – он вытащил брючный ремень. – Вот к чему приводит болтовня с подругами, сплетни за чаем и воскресные походы в сауну.

– Клянусь, я никому ничего не говорила.

– Правда? – удивился он. – А разве было что-то, о чем можно было говорить?

– Нет, конечно. Но ты же сам сказал... – вконец запуталась она.

– Я слишком распустил тебя, – глубокомысленно изрек он. Ремень со свистом разрезал воздух, но удара не последовало. – Женщин нужно держать в кулаке. Помнишь, что произошло со Стефанией Кольцовой?

– Извини, я просто не смогла сдержаться, – вспомнила она свой промах на злосчастной вечеринке.

Но Константин будто и не слышал ее.

– Она закончила свою жизнь плохо. Несчастный случай или самоубийство? Об этом трубили все газеты. Но до правды они так и не докопались. Думаешь, это удалось Эмме?

– Не знаю, но она что-то твердила о какой-то кассете, – поспешно заговорила Мария. – Намекала на возможность показать ее всем нам.

– О кассете? – насторожился Константин. – Ты думаешь, она у нее с собой?

– Не знаю. Может, тебе стоит поговорить с ней?

– Я обязательно это сделаю, милая. Но только чуть позже. А сейчас у меня есть дела поважнее...

– Костя?! – она отпрянула в сторону. – Прошу, не надо!

Он криво ухмылялся.

– Не так просишь!

– Пожалуйста, не надо. Прости меня. Я во всем виновата. Я!

Она упала на колени. Шпильки выпали, рассыпая черные как смоль волосы по плечам. Губы застыли, как кровавая буква «о».

Он был доволен. Выставив вперед носок лакированного ботинка, он тихо и четко произнес:

– А теперь ползи...

...Павел Грек безостановочно шелкал телевизионным пультом. По правде говоря, передачи его волновали мало, но это немудреное занятие помогало хотя бы немного отвлечься. Его невидящий взор был обращен на экран, но картинки, сменяя одна другую, не цеплялись даже за краешек его сознания. Его мысли были заняты другим.

Старушка Эмма выкинула сегодня странный фортель: бросила ему в лицо обвинение, правда, не в прямой, а в завуалированной форме. И вот теперь он пытался понять, насколько серьезна ситуация. То ли эта неуравновешенная особа выбалтывала все, что бог на душу положит; то ли она в самом деле разнюхала кое-какие факты.

В пользу первой версии свидетельствовали ее высказывания, касающиеся иных участников вечеринки. Подобного бреда ранее ему не приходилось слышать, и теперь Грек жалел лишь об одном: что он по специальности является хирургом, а не психиатром. Тогда бы он с точностью определил диагноз пациентке и предписал бы оградить ее от общества нормальных людей. Что стоят ее слова о кровавых реках и плачущих детях! Да и публику на скамью

подсудимых она выбрала неудачно: известный чиновник из аппарата мэра, телевизионный магнат, местный король фармацевтики и он – успешный пластический хирург, чье имя у всех на устах. Ну, о себе он промолчит, но за других готов ручаться. Если у них есть грехи (а грехи есть у всех), то они не настолько масштабны, чтобы о них было страшно говорить вслух.

Второй вариант, менее оптимистический, но все же возможный, существует: каким-то образом эта чудаковатая Эмма получила компрометирующие сведения на всех участников вечеринки, а теперь пытается их использовать довольно странным образом. Чего она добивается? На шантаж это мало похоже. Во всяком случае, он никогда не встречался со случаями массового шантажа.

А может, в ней заговорило болезненное стремление к справедливости? Есть такие поборники нравственной чистоты и законности. На их роль обычно подходят свихнувшиеся от маразма старики (преимущественно бывшие судьи и прокуроры), а также старые девы. Стоп! Эмма очень даже подходит под вторую категорию. Мужа у нее нет, и друга, насколько ему известно, тоже. Нереализованная сексуальная энергия у нее находит выход на ниве служения обществу, интересы которого она толкует превратно. Да еще ее подруга, Стефания Кольцова...

Она была еще той штучкой! Пробивная мадам, которая без мыла влезала в любую трещину. Надо же было такому случиться, что свой нос она решила оперировать именно в его клинике. Может, оттуда все и началось?

Он вспомнил ее, высокую, гибкую, как змея, с соблазнительной грудью и крутыми бедрами. Такими прелестями нужно было вертеть, сводя всех мужиков с ума. Она, впрочем, умела это делать. Но у нее был существенный недостаток. Кстати, вовсе не ее нос! Эта часть лица, конечно, не была у нее идеальной формы, но ее не портила. Недостаток был в другом: Стефания была помешана на женской независимости. Она носилась с идеями феминизма, работала как проклятая, отвергая предложения завидных женихов. Любой мужчина, у которого всего-навсего были глаза, безропотно отдал бы ей все: сердце, деньги и любовь. Но она предпочитала зарабатывать сама, гуляя иногда по лезвию бритвы и добывая для своей передачи сенсационные материалы. Вот и догулялась в конце концов...

Итак, что-то нужно делать. Может, стоит навестить Эмму. Он – мужчина холостой, она – озабоченная построением личного счастья старая дева. Без особого труда он вытащит из нее все, что ему нужно, пусть для этого ему придется переспать с ней. И тогда он сможет успокоиться. Наверняка это самое разумное решение.

Павел Грек выбрал свежую рубашку, приятных тонов джемпер. С одеколоном он переусердствовал, но это было не страшно. Эмме этот знак внимания даже польстит...

Он был уже у порога, когда в дверь постучали. Негромко, ровно три раза. Ему не оставалось ничего другого, как открыть.

– О боже! Это ты?! – почему-то удивился он.

«Тебе не нужно было открывать», – запоздало произнес внутренний голос. Но теперь это уже было неважно...

Дубровская рассеянно бродила по комнате. Какое-то неясное предчувствие беды тяготило ее, не давало покоя. Разумных объяснений этому состоянию она не находила. Бессвязный монолог Эммы с непонятными обвинениями уже выветрился из ее головы, оставив после себя лишь легкую досаду на бездарно потраченное время. Надо же, они едва не рассорились с Андреем, и все из-за шарлатанства их так называемой подруги!

Кстати, об Андрее... Он, захлопнув дверь, ушел в ночь, покурить. Прошло уже пятнадцать минут, но он все еще не вернулся. Чем, интересно, он занят? Если ее супруг считает звезды, она не прочь составить ему компанию.

Елизавета вышла на крыльцо. Звезды на небе были, а вот ее дорогого мужа, что уже совсем странно, поблизости от их домика не наблюдалось. Потоптавшись с минуту около входной двери, Лиза, встревоженная и недоумевающая, решила отправиться на поиски.

Загородная база отдыха была расположена в живописном месте, на берегу огромного темного озера. Домики для отдыхающих находились друг от друга на приличном расстоянии, но туристам это даже нравилось. Здесь не было суеты и сутолоки, только благословенная тишина и покой. Мощные дорожки, осененные елями и соснами, расходились в разные стороны: к песчаному пляжу, к яхт-клубу, на парковую аллею. Это была так называемая привилегированная зона для особо требовательных и платежеспособных клиентов. Несколько дач с богатой отделкой предоставляли для постояльцев весьма комфортные условия: спутниковое телевидение и ванну с гидромассажем, кухню, оснащенную бытовой техникой, и современную мебель. Неподалеку находился мини-комплекс, где можно было пообщаться с соседями в приятной обстановке. Сауна с небольшим бассейном, бильярдная и каминный зал не могли не радовать гостей в ненастный осенний или зимний день. В баре, работавшем круглосуточно, всегда был хороший ассортимент блюд и напитков. Вышколенная обслуга не мозолила глаза, а искусно создавала эффект своего полного отсутствия. Постояльцы, можно сказать, были предоставлены сами себе и чувствовали себя полными хозяевами этого лесного рая.

Это местечко приносило его владельцу стабильный доход, а также неплохие связи. В богатых и известных людях здесь не было недостатка...

Елизавета шагала по хорошо освещенной дорожке, боязливо всматриваясь в бархатную темноту чернеющих рядом деревьев. Неподалеку глухо рокотало озеро, нагоняя на песчаный берег волну. Кроме звуков ночи, окружающих ее со всех сторон, не было ничего, указывающего на человеческое присутствие. Создавалось впечатление, что Дубровская совершенно одна в этом месте, да и во всем мире. Ни смеха, ни музыки – только тихий шелест листвы и неумолчный плеск волн.

Дубровская содрогнулась. Если она и любила одиночество, то не в таких условиях. Ей нужно было срочно найти хоть кого-нибудь, чтобы удостовериться, что мир не вымер в течение последнего часа.

Слева был домик Эммы. Это было хорошо известно девушке, так как рядом располагалась та самая злосчастная беседка, послужившая местом для недавних экспериментов с гаданием.

Елизавета даже обрадовалась. Врываться в дома к семейным парам ей не хотелось. Все они были для нее чужими, малопонятными. Эмма, напротив, несмотря на очевидные странности, была ей более приятна. Оставалось рассчитывать лишь на то, что обида на несерьезных участников неудавшейся вечеринки у нее уже улеглась и она не держит ни на кого зла. В конце концов, Лиза не чувствовала себя виноватой.

Эмма, по всей видимости, была дома. Окна были освещены, а балконная дверь приоткрыта. Легкая занавеска трепетала на ночном ветерке.

Дубровская поднялась по ступеням и постучала в дверь. Подождав примерно минуту, она повторила попытку, но колдунья не спешила открывать незваной гостье. Лиза приложила ухо к замочной скважине, рискуя оказаться в неудобном положении, если вдруг хозяйка откроет дверь. Ей показалось, что шумит вода. Может, Эмма собиралась принять ванну?

Лиза, не особо надеясь на удачу, стукнула еще несколько раз.

– Эмма! Открой, пожалуйста. Я знаю, что ты дома! – крикнула она. Ей казалось, что она была вежлива. Но через секунду за дверью раздались шаги, что-то упало. Затем какой-то предмет грохнулся прямо об дверь. Дубровская отшатнулась. Было слышно, как посыпались осколки.

– Иди отсюда! – слышался не то грубый совет, не то категоричный приказ. Голос молодой женщины звучал непривычно глухо, но интонация была определенно воинственной.

«Поговорили!» – с горечью подумала Лиза. Да, хорошо у нее получается общаться с друзьями мужа!

Ей не нужно было повторять дважды. Вздохнув, Дубровская отправилась восвояси. Она была до глубины души обижена. Возможно, Эмма и вправду сильно раздражена. Голос ее шел не то от простуды, не то от рыданий. Вон как она хрипит. Но это не дает ей никакого права набрасываться на окружающих.

Единственное, что теперь оставалось Лизе, так это вернуться в свой дом и дожидаться появления блудливого мужа. В одном она была уверена точно: остаток этой безумной ночи она проведет в одиночестве...

Однако планы иногда меняются в одночасье. Не успела Дубровская удалиться от дома Эммы, как ночную тишину нарушили громкие голоса людей. Конечно, это были знакомые Андрея, хотя его самого среди них не было. Они были крайне возбуждены и куда-то торопились.

– Лиза, присоединяйтесь к нам! – крикнул запыхавшийся хирург.

– А что случилось? – спросила она.

Грек нетерпеливо махнул рукой, что должно было, вероятно, означать, что объяснения последуют позже. Дубровской не оставалось ничего иного, как пуститься рысцей, догоняя компанию.

Впереди всех бежала Мария Кротова. Она уже сбросила с себя черную накидку и сменила праздничный костюм на обыкновенные джинсы и свитер. На голове у нее было банное полотенце, накрученное в виде чалмы. Она что-то беспрестанно говорила, куда-то показывала, обращаясь главным образом к Петру Ивановичу.

Тот, в свою очередь, был явно чем-то недоволен, и, если бы не Лара, которая буквально волокла супруга за собой, он предпочел бы отмежеваться от всей этой честной компании.

Елизавета чувствовала себя полной идиоткой. Она бежала куда-то с людьми, которых толком и не знала. Задавать вопросы было бессмысленно. Оставалось уповать на то, что безумная гонка когда-нибудь кончится и она узнает наконец причину такой спешки.

– А где Андрей? – спросил ее хирург на бегу.

Она пожала плечами, понимая, что это выглядит нелепо. Они с мужем заблудились, как дети в трех соснах, и теперь не знают, где друг друга искать.

– Я ходила проведать Эмму, – сказала она в свое жалкое оправдание.

– Ну, и как она? – без особого интереса спросил Грек.

– Нормально, – уклончиво ответила она. Не рассказывать же ему, как с ней поступила их общая знакомая! Странно. В этой ситуации стыдно должно было быть Эмме, но никак не Елизавете. Но Дубровская чувствовала почему-то странную неловкость, будто это она похамски обошлась с супругой давнего приятеля...

– Вон там, за поворотом наша дача, – оповестила всех Мария. Глаза у нее вращались, как у безумной. Речь казалась невнятной, так как ее легкие, по всей видимости, разрывал кислород.

– Поспешим, вдруг мы сможем ему чем-нибудь помочь! – задыхалась Лара. Она весьма проворно передвигалась на каблуках-шпильках и умудрялась при этом преодолевать сопротивление висящего у нее на руке Петра Ивановича.

– Лара, ты делаешь большую ошибку, – бормотал он. – Мы не имеем права без разрешения компетентных органов...

– Мы обязаны! – категорично заявил Павел Грек. – Не забывайте, я связан клятвой Гиппократа.

Дубровская спрашивала себя, чем связана она. Разве что своим безотказным характером, если мчится как угорелая туда, куда указывают ей другие. Она едва не грохнулась, споткнувшись о ступеньку, и про себя помянула черта.

Возле двери, ведущей в домик Кротовых, все остановились. Мария, белая как полотно, взялась за ручку, но тут же отдернула ладонь, будто ее пронзил электрический ток.

– Я боюсь, – прошептала она. – Я не смогу туда войти. Там полно крови.

– Пусть это сделает кто-нибудь из мужчин, – предложила Лара.

– Еще чего! – взвился на дыбы чиновник. – Я не такой дурак, чтобы идти на место преступления и оставлять там свои отпечатки пальцев. Я предлагаю вызвать милицию.

– Вы что, боитесь? – поинтересовался врач.

– А почему и нет? – не отступил Петр Иванович. – Я занимаю ответственный пост и не могу себе позволить...

– Все ясно, – сказал Грек. – Можете оставаться снаружи. Так, кто со мной?

Наступила тишина, перемежаемая учащенным дыханием участников ночной пробежки. Все молчали, с надеждой глядя друг на друга. Энтузиастов среди них не нашлось.

– А что, в конце концов, случилось? – задала вопрос Елизавета и покраснела до ушей, представляя, как нелепо она выглядит в глазах окружающих.

– Милочка, а вам никто ничего не сказал? – удивилась Лара. – *Константина Кротова убили*. Он лежит сейчас там, в гостиной...

То, что телевизионному магнату уже помочь нельзя было ничем, поняла даже неискушенная Елизавета.

Тело лежало на паркетном полу головой к камину. Лицо трупа было обращено в сторону, и, к счастью, вошедшие видеть его не могли. Это было бы для них страшным испытанием.

Крови было много. Она успела образовать целую лужицу под головой. Волосы были перепачканы и слиплись. Рядом валялась кочерга. Она была легко согнута. От нее к трупу тянулся багровый след...

Мария, прижавшись спиной к стене, скулила, как побитая собака. Она не спешила броситься на грудь любимому супругу, оплакивая его безвременную кончину. Мертвый, как и живой, он внушал ей ужас, который к настоящему моменту только усилился.

У порога топталась Лара, вытаращив испуганные глаза. Она зажала платочком рот, опасаясь, что ее вывернет наизнанку тут же, рядом с искореженным трупом. За ее спиной маячил Петр Иванович. Человеческая природа оказалась сильнее чиновничьих предрассудков, и он с любопытством рассматривал ужасную картину с безопасного расстояния.

Хладнокровие сохранял только Павел Грек. Он обошел тело со всех сторон, не прикасаясь к нему. Зачем-то присел около него, потом встал.

– Странный запах, – заметил он, хмурясь. – Клянусь, он что-то мне напоминает.

Дамы сморщили носы, а Лара еще плотнее прижала платок к лицу. Мария едва удержалась на ногах.

Хирург приподнял брови, как будто удивляясь, внимательнее взглянул на труп. Затем он взял кочергу, повертел ее в руках и, словно примеряясь, пару раз стукнул себя по ладони.

– Эй, не стоит трогать руками улики, – предостерег его чиновник.

– Петр Иванович прав, – решила вмешаться Елизавета. – Вы можете нарушить картину происшествия. Стоит дождаться приезда оперативной группы.

Врач и ухом не повел. Присев снова на корточки рядом с лужей крови, он обмакнул в нее палец, поднес к носу, а потом лизнул его. Присутствующих парализовал ужас. Мария,

тихо всхлипнув, сползла по стенке на пол. Петр Иванович воздержался от комментариев, поскольку его внимание отвлекла супруга. Бедная Лара, издав недвусмысленный утробный звук, бросилась вон из дома. Ее тошнило.

Дубровской на какой-то момент показалось, что доктор спятил. Для этого у нее были все основания. Павел Грек нарисовал себе на щеках и лбу полосы, используя как чернила кровь, оскалил зубы, а потом, что было крайне возмутительно, пнул лежащий на полу труп.

– Да как вы смеете! – начала было Дубровская, но осеклась.

У нее волосы встали дыбом на голове, когда она увидела, что мертвец, лежащий в луже крови, начал шевелиться. Руки поползли в стороны, ноги согнулись, голова приподнялась.

– Блин! – произнесла голова. – Какого черта?!

– Он жив! – воскликнула Лиза. – Его только ранили!

– Он жив! – бесцветно произнесла Мария, хлопая глазами. Особой радости в ее голосе не звучало. Должно быть, она все еще находилась в шоке.

– Жив! – подтвердил мертвец. – По какому праву вы приперлись в мой дом и пинаете меня?

Для раненого, у которого, судя по луже крови на полу, в голове была дырка, Константин Кротов рассуждал неплохо. Координация движений у него не нарушилась, и через минуту он уже стоял во весь рост. Вот только лицо его было основательно перепачкано в крови.

– Кетчуп! – оповестил Павел Грек, указывая на красную жижу. – По всей видимости, с чесноком. Недаром запах мне показался странным.

– Шутка! – развел руками Константин. На его лице играла блаженная улыбка. – Я хотел немного вас развеселить.

– Это тебе удалось, – подтвердил хирург. – У жены, надеюсь, здоровое сердце? Как бы не пришлось вызывать «неотложку».

– Да бросьте, друзья! – ухмыльнулся шоумен. – Я так рад, что вы пришли ко мне на помощь. Не оставили, так сказать, в беде. Дайте-ка я вас всех расцелую!

Он двинулся к врачу, но тот брезгливо отвернул лицо. Лиза отступила назад, а бедная супруга вжалась в стену, предпочитая, вероятно, быть заживо замурованной.

На беду, в этот момент в дом зашла чиновничья пара, а с ними Андрей. Понятное дело, Мерцалов перенес воскрешение покойника стоически. Он как-никак тоже был медик, да и появился он далеко не в самый драматический момент. Но впечатлительная Лара, которая только что справилась с рвотными позывами, не выдержала повторного удара по психике и лишилась чувств сразу же, как только улыбающаяся физиономия Кротова предстала перед ней во всей красе. Петр Иванович едва успел подхватить ее на руки...

– Не знаю, как вас, но меня доконали фокусы Эммы, – исповедовался Константин. – Заклинания, дым в глаза... Тьфу! Захотелось праздника. Вот я и придумал себе развлечение. Как только моя жена удалилась в ванную комнату, я взял бутылочку с кетчупом и поставил маленький спектакль. Расположился на полу, в позе мертвяка. Кровь, орудие убийства рядом – короче, полный порядок. Признаюсь, я не рассчитывал на такое число зрителей. Думал ограничиться собственной супругой. Интересно со стороны понаблюдать за реакцией близких людей.

Никто спорить не стал. Только Лиза задала робкий вопрос:

– Ну, и как реакция?

– Ничего особенного, – пожал плечами Кротов. – Представляете, она даже плакать не стала. Ни криков, ни обмороков – ничего такого, что следует в подобных случаях ожидать от женщины. Потопталась рядом, а потом вообще кинулась вон из дома. Ну, тут я решил спектакль продлить. Не каждый же день представляется возможность временно побыть в шкуре покойного. Не думал, что вы меня так быстро раскусите!

Павел Грек заулыбался, словно ему сделали комплимент:

– Сделать это было несложно. Во-первых, этот запах чеснока. Ну, а во-вторых, сама кочерга.

– Что – кочерга? – не поняла Лиза.

– Слишком легкая для нанесения таких серьезных повреждений, – пояснил врач. – Да и внешний вид крови был очень подозрительный, чересчур густая, да еще с мелкими белыми кусочками непонятных включений.

– Это был чеснок, – радовался, как ребенок, Кротов.

– Свести у тебя нет! – наконец подал голос Петр Иванович. Он сидел на диване. Лара улеглась калачиком рядом. Она уже пришла в себя, но по-прежнему оставалась бледной. – Ну, положим, здоровье близких людей тебя волнует мало. Но ты подумал о том, в какой ситуации мы бы оказались, если бы успели вызвать к этому моменту милицию? Репутация многих людей могла бы пострадать...

Конечно, в первую очередь чиновник беспокоился о сплетнях в свой адрес. На фоне этого меркли даже опасения по поводу самочувствия любимой жены.

– Представляете заголовки газет? А рубрики? «Слухи», «Ну и ну!», «Их нравы».

– Я об этом как-то не подумал, – почесал голову озадаченный Кротов. – Если честно, я надеялся испугать эту чертовку Эмму.

– А где, кстати, она? – спросил Андрей.

– Сидит в доме, – отозвался хирург. – Твоя жена беседовала с ней пятнадцать минут назад.

– Да? – удивился Мерцалов.

Лиза передернула плечами. Ей пришлось кивнуть головой.

– Честно говоря, ей бы хорошая взбучка не помешала, – заметил вдруг чиновник. Его замечание эхом отозвалось во многих сердцах. В этот раз даже Лиза была солидарна с большинством. Эмму нужно было проучить. Она слишком много на себя взяла.

– Что вы хотите от одинокой женщины? – усмехнулся хирург.

– От старой девы! – слабым голосом поправила его Лара.

– Не будем к ней жестоки, – проявил снисходительность хирург. – Вряд ли бы она была такой странной, если бы дома ее ждали муж и дети. Все эти чудачества от одиночества и безделья.

– Справедливые слова! – согласился чиновник. – Нет ничего хуже, когда у молодой женщины нет определенного занятия. Человек должен приносить пользу обществу, а не прожигать жизнь.

Лара даже приподнялась на локте, выслушав подобную тираду от своего мужа. У нее не могло не возникнуть вопроса о том, насколько она полезна для общества. Мария гордо подняла голову. Ей нечего было стесняться.

– Я так и не понял, – произнес Константин. – Вы поддерживаете мою идею проучить эту выскочку Эмму?

– Абсолютно! – заявила Лара уже окрепшим голосом.

– Я, конечно, был бы против, но, учитывая ситуацию... – чиновник отвел глаза в сторону.

– Ей это не повредит, – проявил профессиональную черствость хирург.

– Шутить так шутить, – махнул рукой Мерцалов.

– Это будет прикольно! – пообещал Константин.

– А я как все, – скромно потупилась Мария.

Все выжидающе уставились на Дубровскую.

– Я не возражаю, – улыбнулась она.

В конце концов, пусть это будет ее маленькая месть...

По части розыгрышей Елизавета не была знатоком, но жизнь заставила ее серьезно относиться к забавам подобного рода. В ее адвокатской практике был один веселый случай, едва не отправивший главного фигуранта на тюремные нары.

Ее бывший подзащитный, дед Михась, слыл в своей деревне мужичком не злобным, но пьющим. На этой почве между ним и его законной половиной, бабкой Матреной, периодически вспыхивали ссоры, иногда переходящие в шумные потасовки. Тот злосчастный вечер начинался как обычно. Положив на кусок черного хлеба добрый шмат домашнего сала, Михась обратился к жене:

– Слыш-ка, Матрена. Подай самогонки. Нутро горит, мочи нет.

Женщина оторвалась от вязания носка только для того, чтобы показать супругу жирную фигу. Понятно, что такой ответ не затушил пожар в груди старика, и, когда обычные доводы не возымели на супругу никакого действия, Михась выдвинул воистину убийственный аргумент.

– Тогда я пойду повешусь! – заявил он.

– Ай, да иди! – запальчиво ответила старуха.

Старик взял веревку, мыло и еще долго топтался у порога, надеясь, что сердце благоверной смягчится. Но вредная баба была словно высечена из камня.

– Че стоишь-то? – подначила она его. – Иди уж, вешайся!

Старик, кряхтя, поплелся во двор.

Когда через полчаса встревоженная отсутствием деда бабка вошла в сарай, она увидела привязанную к крюку веревку. Узрев знакомые валенки, болтающиеся в метре от земляного пола, Матрена едва не потеряла рассудок. Простоволосая, в одних домашних шлепанцах, ринулась она к местному участковому.

Осмотр места происшествия не занял много времени. Дело, казалось, было яснее ясного. Однако, если бы бабка и милиционер оказались сообразительнее, они бы увидели, что веревку «самоубийца» прикрепил не как положено примерному висельнику себе на шею, а всего лишь к солдатскому ремню на своем поясе, сзади. Так что здоровью хитрого деда ничего не угрожало. Он болтался, как и заведено, не касаясь валенками земли, и с удовольствием слушал причитания старухи, запоздало раскаивающейся в своей скупости.

Милиционер, чтобы снять висельника, встал на расшатанную табуретку и намеревался было обрезать веревку, как вдруг ощутил, что руки «мертвеца», до сих пор мирно висевшие вдоль тела, сомкнулись на его талии. Михась вовсе не желал валиться кулем вниз. Участковый громко всхлипнул и лишился чувств. Падая, он сломал себе ногу и получил сотрясение мозга. Вердикт следователя звучал впечатляюще: «умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести». Старики на время даже позабыли о семейных разборках и отправились в город к адвокату. Маститые защитники побрезговали взяться за это дело, тем более что гонорар был обещан своеобразный: корзина яиц, домашнее ароматное сальце и мешок картошки. Дубровская приняла на себя защиту шутника, благородно отказавшись от щедрого довеска в виде бутылки самогона. Ей без особого труда удалось доказать, что дед не планировал преступление, стало быть, умысел на причинение милиционеру увечья у него отсутствовал. Сыграли роль и другие факты: положительные характеристики деда, веселенький сюжет происшествия и бестолковость местного участкового, не сумевшего отличить висельника от симулянта. В общем, заголовок в местной газете звучал следующим образом: «За что мне дали пятнадцать суток?» Поэтому вывод напрашивался самый банальный: шути, да знай меру!

В этом случае план не сулил неожиданностей.

Главная роль отводилась Константину Кротову, который уже успел зарекомендовать себя по части розыгрышей. Он должен явиться в домик Эммы, испачканный кровью, то бишь пресловутым кетчупом. Пошатываясь, как и положено тяжелораненому, он выдавит из себя коронную фразу: «На милость твою уповаю. О Эмма!» – и рухнет на ковер. На главную женскую роль утвердили супругу жертвы. Мария должна была прибыть на место происшествия двумя минутами позднее. В руках ей предполагалось иметь топорик, который стоял в любом дачном домике рядом с поленницей. Для пушей достоверности орудие преступления нужно было смазать той же фальсифицированной кровью с добавлением волос. «Где этот подлец? – спросит она, вложив в вопрос всю страстность своей натуры. – Я хочу довести до конца то, что начала!»

Массовка, собравшись под балконом, разыграет по ролям сцену всеобщего хаоса. Через полуоткрытую дверь их будет хорошо слышно в комнате. Эмма будет в ужасе.

Лара: «Караул! Ее нужно задержать. Она опасна!»

Андрей и Лиза: «Кто? Кто?»

Лара: «Мария сошла с ума и грозитя расправиться с любимым, кто окажется у нее на пути. Вы разве не видели тело охранника?»

Лиза: «О боже!»

Андрей: «Ты хотела сказать, официанта из бара? Ему только что отрубили руку».

Лара (*трагически*): «Их уже двое!»

Лиза: «Судя по всему, им не помочь».

Андрей: «Но где же Константин? Его нужно предупредить. Он в опасности...»

Лара: "...как и любой, кто встретится у нее на пути».

Все хором: «Константин!»

Далее следовало действовать по ситуации.

Нетрудно заметить, что Петр Иванович устранился от этой затеи полностью. Его вполне устраивала роль бессловесного наблюдателя.

– Даже не уговаривайте, – отрезал он. – Я, как ответственный работник, не буду ввязываться в эту затею. Мало ли что.

Зря его уговаривали, умоляли и пытались хоть как-нибудь растормошить. Он остался непреклонен.

На этом и остановились. Новоявленные актеры двинулись к домику Эммы гуськом, посмеиваясь и перешептываясь. Никто не сомневался, что розыгрыш удастся. Иначе и быть не могло...

Массовка заняла свое место под балконом, а перепачканный Константин двинулся прямо к дверям. Он вполне вошел в образ и со стороны выглядел как натуральная жертва преступления. Перепуганная Мария пряталась под раскидистой елью, сжимая в потных ладонях топор. Ей предстояло сыграть активную роль в этом спектакле, но морально она не была к этому готова. Не привыкшая перечить супругу, она безропотно взяла на себя роль убийцы, хотя и не видела в этой затее ничего остроумного и веселого...

Прошло несколько минут. Приятели не двигались, опасаясь, что хруст ветки либо другой посторонний шум выдаст их с головой. Однако ожидание затягивалось, и стоять на одном месте становилось все труднее. Свежий ветер с озера ловко проникал в рукава и за воротник. Затекшие ноги в легкой обуви начали замерзать.

– Наверняка Мария уже на месте, – шепотом сказала Лара, растирая ооченевшие руки.

– Да, пора бы уже, – пробормотал Андрей. – Только почему-то мы не слышим криков.

– А они должны быть? – спросила Лиза.

– Представь себя в этой ситуации, – сказала Лара. – Ты бы закричала?

– Не знаю, – пожала плечами Лиза и вздрогнула.

Раздался женский вопль.

– Ага, начинается! – обрадовалась жена чиновника. Прочистив горло, она выразительно закричала: – Караул! Ее нужно задержать. Она опасна!

Не успели Андрей и Лиза произнести свои слова, как стукнула балконная дверь, и большая темная туша свесилась через перила. Несколько мгновений человек пытался рассмотреть что-то в темноте, но, не увидев ничего определенного, адресовал свой призыв мохнатой ели:

– Где вы? Идите сюда.

Конечно, это был Константин. Он по какой-то причине решил изменить ход спектакля и приглашал всех зайти в дом. Его голос звучал напряженно, но никто тогда не придал этому значения.

В дверь ввалились весело, гурьбой и, пройдя несколько шагов по направлению к гостиной, застыли на пороге. Картина была до боли знакома.

На полу лежало тело, теперь уже женское. Лицо было повернуто в сторону и закрыто массой черных кудрей. Затылок со слипшимися волосами казался мокрым. Руки в браслетах и перстнях были раскинуты широко, как у раненой птицы. Подол шелковой юбки задрался, обнажая полные ноги в черных, на подвязках, чулках. Вне всяких сомнений, это была Эмма. Небольшая темная лужа растеклась слева от головы. Рядом валялся хорошо знакомый топорик.

Константин стоял у камина, а несчастная Мария, поджав под себя ноги, пряталась в углу, между книжным шкафом и стеной. Она не кричала, не плакала, только остановившись глазами глядела на вошедших людей. В роли безумной убийцы она смотрелась органично.

– Это уже начинает надоедать! – заявила Лара, без опаски приблизившись к телу. – Я сыта по горло вашими спектаклями.

Раздалось пыхтение, через толпу зрителей протиснулась знакомая фигура в пиджаке и галстук. Петр Иванович направлялся к супруге с твердым намерением увести ее прочь и положить конец безобразиям этой безумной ночи. Он взял ее за руку.

– Дорогая, тебе опять станет нехорошо!

Лара расхохоталась:

– Да с чего бы это? – она небрежно ткнула тело заостренным концом своей туфельки. – А ну, вставай, лежебока!

Павел Грек понял, что пришла пора вмешаться. Он аккуратно отстранил чиновничью пару в сторону и бегло осмотрел тело. Всем присутствующим процедура показалась знакомой, только на этот раз хирург не торопился с выводами.

– Чем пахнет, док? – хмыкнул Константин. – Какой продукт использовала Эмма? Надеюсь, ее кровь выглядит натурально.

– Вполне, – вполголоса ответил врач, наклонившись над телом. Он осторожно потрогал пульс, заглянул в лицо и даже принюхался. Профессиональное чутье его подводило редко.

Компания, приняв навязанные ей правила игры, соблюдала дистанцию. Паники, впрочем, не наблюдалось. Никто и мысли не допускал, что могло произойти что-то страшное. Чудачка Эмма просто разыграла их в очередной раз.

– Удивительно, как она умудрилась разгадать наш замысел? – прошептала Дубровская, прижимаясь к супругу. Странно, но у нее пропало желание говорить громко, словно звук ее голоса мог потревожить чей-то покой.

– Она опередила нас. Чем не розыгрыш? – усмехнулся Андрей.

– А я предлагаю срочно приступить к реанимации! – заявила Лара и решительно шагнула к телу. – Посмотрим, как наша гадалка переносит электрический ток. Кто-нибудь захватил с собой дефибриллятор?

Павел Грек выпрямился. В его лице не было ни кровинки. Он обвел присутствующих долгим взглядом:

– *Вызывайте милицию. Эмму убили...*

Несколько мгновений стояла тишина. Смысл слов должен был еще дойти до сопротивляющегося рассудка. Ситуация выглядела нелепой и страшной одновременно.

– Что ты имеешь в виду? – напрягся чиновник. – Ты думаешь, что она...

– Я только констатирую факт, – сухо ответил доктор.

– Позвольте, – вмешалась Лара. – Если опять речь идет о шутке, то мы уже насмеялись вдоволь. В жизни не забуду этот треклятый праздник. Сколько можно...

– Боже мой! – охнула Дубровская и попятилась к двери. – Глазам своим не верю. Она мертва?!

Этот тихий возглас возымел действие. Словно осознав реальность происходящего, люди отступили от тела и сгруппировались у входа. Они с ужасом наблюдали картину происшествия, не решаясь выйти наружу, как, впрочем, и не желая оставаться внутри. Всех сковал тот самый страх, который по своей природе присущ любому здоровому человеку, оказавшемуся невольным свидетелем чьей-либо смерти. Оцепенение нарушил чиновник.

– Дождались! – произнес он почти торжествующе. – Ну что же, Лара, можно было предположить, чем все это закончится.

– Что вы хотите сказать? – нахмурился Мерцалов.

– Только то, что эта затея мне не нравилась с самого начала, – уклонился от прямого ответа Петр Иванович. – Пойду звонить в милицию. Нужно же поставить компетентные органы в известность...

Он направился было к двери, но едва не потерял равновесие, поскользнувшись на черепке какой-то разбитой посуды.

– И тут бардак! – в сердцах воскликнул он, поддев ногой валяющиеся на полу осколки.

Дверь хлопнула, но люди продолжали стоять, словно дожидаясь чьей-то команды. Инициативу на себя взял доктор. Он неплохо владел собой. Сказывалась профессиональная выучка.

– Будет лучше, если мы уйдем отсюда. Не стоит затаптывать место происшествия.

Все почувствовали грандиозное облегчение. На самом деле, находиться поблизости с мертвым телом никому не хотелось. Неважно, что труп принадлежал их старой знакомой, которая меньше часа назад ходила и говорила как все нормальные люди. Главное, что теперь ее скукожившаяся земная оболочка валялась на полу, в крови. Последнее обстоятельство решало все, и поэтому участники злосчастной вечеринки гуськом поплелись к выходу, не решаясь даже обернуться.

– Пойдите! – остановилась вдруг Дубровская. – Кто-то должен здесь остаться. Мы обязаны обеспечить сохранность улик.

Все посмотрели на нее, как на полоумную. Андрей взял жену за руку и мягко подтолкнул вперед.

– Идем. Я сомневаюсь, что месту происшествия грозят вандалы.

В душе Лиза была с ним полностью согласна. Но ее не покидало чувство, что они упустили что-то важное, сделали что-то не так. Дубровская привыкла доверять своей интуиции, и теперь все ее естество протестовало против ухода. Это было странно, поскольку Елизавета не обладала железными нервами, и сидеть рядом с трупом ей не захотелось бы ни за какие деньги.

– О, черт! – взвизгнула Лара.

– Что такое? – испугался Константин.

– Тут какая-то лужа!

– Кровь! – воскликнула Лиза.

– Тише вы! Тише! – попытался остановить панику доктор. – Ничего страшного не произошло. Дайте-ка мне взглянуть на это.

Он протиснулся вперед, отстраняя в сторону жену чиновника.

– Как это ничего страшного? – голосила она. – Между прочим, я туда наступила. Кто-нибудь, наконец, включит в коридоре свет?

Вспыхнула лампочка. Все в ужасе устали себе под ноги, ожидая увидеть все что угодно, начиная от крови, заканчивая человеческими костями. Однако ничего, кроме черепков разбившейся вазы и огромного влажного пятна на ковровом покрытии, заметить приятелям не удалось. Хирург хладнокровно провел ладонью по пятну.

– Обыкновенная вода, – констатировал он. – Почему-то горячая.

– Да вот же в чем дело! – воскликнул Константин. – Она льется через порог ванной комнаты. Смотрите...

Он распахнул дверь ванной, и густой пар, вырвавшись из закрытого помещения на волю, закрыл все плотной завесой. Лампочка под потолком мерцала, как в тумане.

– Господи, да тут целый потоп! – воскликнул Андрей. – Эмма забыла завернуть краны.

– Или ей кто-то помешал, – пробормотала Лиза, но ее комментарий прошел незамеченным из-за всеобщей суеты.

Андрей заворачивал брюки, снимал туфли и носки.

– Ты собираешься лезть в воду? – недоверчиво поинтересовалась Лара. Сама она была не столь глупа, чтобы портить свои дорогие туфли. Кроме того, вода казалась горячей.

– Другого выхода нет, – заметил Мерцалов. – До приезда милиции вода хлынет в комнату, а там...

Он мог не продолжать. Все знали, *что там*.

Андрей двигался проворно. Держась рукой за хромированную трубу, он дотянулся ногой до крышки унитаза. Мгновение спустя он уже стоял там, отыскивая новую опору. Сделать это было сложно, поскольку вода лилась через верх джакузи на пол. Там она заполнила собой все пространство и поднялась выше уровня порога. Белые островки пены плавали на поверхности, как айсберги. Должно быть, Эмма готовилась принять расслабляющую ванну.

Маневры, предпринятые мужем Елизаветы, не принесли ему увечья, и спустя пару минут он, целый и невредимый, стоял у порога, натягивая носки. Краны были закрыты. Все вздохнули с облегчением. Это было уже во второй раз. Героическая эпопея закончилась. Можно было убираться отсюда. Как можно скорее...

На крыльце возникла еще одна заминка. Замороженные суетой, приятели до этого момента не обращали внимания на бедную Марию. Конечно, все видели ее в комнате, странную, безмолвную, сжавшуюся в комок. Но события разворачивались так стремительно, что копаться в ее душевных переживаниях было недосуг. О ней забыли почти сразу же. Кротова же, определенно, пребывала в шоке. Если она и реагировала на внешние раздражители, то неосознанно, механически, выполняя команды, как хорошо обученный робот. Когда компания высыпала на улицу, Мария оказалась среди всех. Тут-то ее и разглядел вездесущий хирург.

– Ба! Мария?! С тобой все в порядке?

Вопрос мог бы, при подобных обстоятельствах, показаться глупым, однако, обернувшись, приятели убедились, что доктор прав. Мария семенила позади всех, крепко прижимая к груди тот самый топорик. Свитер был весь в багровых полосах, но Кротова не обращала на это никакого внимания. Она даже не отреагировала на реплику Павла, продолжая идти вперед как ни в чем не бывало.

Константин чертыхнулся, догнал ее в два прыжка и вырвал, не без труда, злосчастный топорик. Он швырнул его на крыльцо и бросился к супруге, которая даже не подумала оста-

новиться, а тащилась вперед, как лошадь без седока. Она, вне всяких сомнений, врезалась бы в сосну, но Константин, подхватив ее за руку, вернул на дорожку.

Впереди замаячила знакомая фигура в классическом костюме.

– Следуйте в каминный зал. Оперативная группа уже выехала, – голос Петра Ивановича звучал сухо и официально. – Я, как лицо государственное, уполномочен следователем собрать всех в одном месте и обеспечить ваше присутствие на первых допросах, которые здесь будут производиться.

– Петушок, что это значит? – пролепетала бледная от волнения Лара. Перемены, произошедшие с ее супругом, были ей непонятны.

– Это значит лишь то, что ваш муж, сударыня, взял на себя обязанности нашего конвоира и охранника, – насмешливо произнес Павел Грек.

– Но, надеюсь, это ко мне не относится? – продолжала неугомонная Лара.

– Это касается всех, – чиновник был неумолим.

– Но почему, ради всего святого? – воскликнула Елизавета.

Петр Иванович обернулся к ней. Лицо его было бесстрастно, как театральная маска.

– Вы еще ничего не поняли? *Совершено убийство, и убийца, возможно, находится среди нас...*

В камине потрескивали дрова, но пляшущие языки огня отнюдь не способствовали отдыху и расслаблению сидящих вокруг людей. Атмосфера казалась предгрозовой.

– Не понимаю, почему я должен здесь сидеть? – выразил возмущение Андрей. – Я чертовски устал и хочу отдохнуть.

– Милый, нужно соблюсти некоторые формальности, – призвала его к благоразумию Елизавета, впрочем, без особого успеха.

– Совершено убийство, – повторил чиновник. – И мы обязаны...

– Я свои обязанности знаю! – оборвал его Мерцалов. – Я не отказываюсь дать показания, но до приезда оперативной группы я хочу находиться в своем дачном доме, вместе с женой.

– Это невозможно, – упрямо твердил Петр Иванович. – Следователь сказал вполне определенно: мы должны держаться вместе. Ведь вы не хотите, чтобы при расследовании этого убийства у следствия появились к вам дополнительные вопросы?

– Что вы этим хотите сказать? – приподнял брови Мерцалов. – У вас есть какие-то подозрения на мой счет?

– Я ничего определенного пока сказать не могу. Все мы в равном положении.

– Даже вы? – не выдержала Дубровская.

– Это будет решать следствие, – поджал губы чиновник. – Хотя сама мысль о том, что я, человек государственный, способен совершить преступление, абсурдна.

– Вот так фокус! – подавился слюной Константин. – А я, значит, способен? Да на что мне, шоумену с деньгами и связями, сдалось убийство этой шальной бабы?

– А вы вообще молчите! – взвилась Лара. – Про вашу семейку разговор особый.

– Что-то я не понял. О чем базар? – насторожился Кротов.

– Да о том, что вы оказались в доме Эммы первыми! – торжествующе заявила жена чиновника. – Выводы делайте сами.

– И какие выводы я должен сделать?

– Вы вполне могли пристукнуть бедняжку тем топором, который был в руках вашей жены.

– Ах ты... – Константин встал со своего места, намереваясь пустить в ход грубую физическую силу. Логические умозаключения Лары показались ему возмутительными.

– Подождите! – встал на его пути чиновник. – Никто не говорит, что это убийство – дело ваших рук. Но согласитесь, ваша жена выглядит более чем странно. Где гарантия, что вы не покрываете ее грехи?

– Вы говорите о Марии? – уточнил Кротов, щуря один глаз, словно уже прицеливался для точного выстрела.

– А вы что, многоженец? – съехидничал чиновник.

– Да я тебя в бараний рог согну! – взревел Кротов, хватая государственного мужа за грудки. Переход на «ты» дался ему без особых усилий.

Петру Ивановичу пришлось бы туго, если бы не своевременное вмешательство хирурга. Подтянутый и спортивный, он успел перехватить руки шоумена. Чиновник, тяжело отдуваясь, отошел в сторону. Его классический костюм почти не пострадал.

– Ну же! – пытался образумить драчунов Грек. – Вы же цивилизованные люди. К чему эти пещерные методы?

– А чего он говорит! – Константин напоминал обиженного ребенка.

– А вы не слушайте. Что там болтают про вашу жену? Убийство мог совершить кто угодно. Ну, хотя бы м-м-м... наша замечательная Елизавета! Почему нет?

– Что?! – в два голоса закричали Андрей и Лиза.

– Это я так, для примера, – пожал плечами Павел.

– Положим, пример можно было привести более удачный, – засопел Мерцалов. – Сегодня вы определенно не в ударе.

– Мое замечание не случайно, – не смутился хирург. – Я хотел лишь обратить ваше внимание на то, что мы действительно в равных условиях. Любой из нас мог совершить это злодеяние.

– Любой, но не Елизавета! – вскипел Андрей. – Моя жена не способна обидеть даже муху.

– Поправьте меня, если я ошибусь, – усмехнулся врач, поворачиваясь к Лизе. – Милочка, вы что-то говорили мне о том, что встречались с Эммой? Это было минут за тридцать до нашего появления в ее доме. Не так ли?

– Да. То есть нет, – произнесла Дубровская и густо покраснела. Ее замешательство не укрылось от наблюдательного хирурга.

– Вы сказали, что вы нормально пообщались.

– Я солгала, – призналась Лиза, ощущая себя преступницей. – Я не говорила с Эммой. Она даже не пустила меня на порог.

– Но вы видели ее?

– Нет, она велела мне убираться вон. Но сказала это через дверь.

– Странная ситуация, вы не находите? – доктор обратился к Мерцалову.

– Что, черт возьми, вы имеете в виду?

– А то, что ваша жена сотворила столь бесполезную ложь. Зачем нужно было говорить, что она встречалась с Эммой? Это имело какой-либо смысл?

– На первый взгляд нет, – вклинился чиновник.

– Вот именно. Только на первый.

Андрей не стал углубляться в тонкости душевной организации своей жены и доказывать, что она способна и не на такие глупости. Он хотел привести другие аргументы, но неожиданный вопрос Петра Ивановича сбил его с толку:

– А вы, уважаемый, где были этим вечером?

– То есть как это – где? – не понял Мерцалов.

– Мы не видели его в доме Кротова, – спохватилась Лара. – Точно! Он пришел позже. Более чем подозрительно.

– Да и ваша супруга не имела понятия о том, где вы находитесь. Ведь я прав? – у доктора была превосходная память.

Вопрос был адресован Елизавете, и она смутилась в очередной раз, не представляя, как можно помочь своему мужу. Если сказать, что он находился в домике, то...

– Я бродил по берегу озера и бросал в воду камешки, – заявил Андрей.

– А кто-нибудь это может подтвердить? – спросил Константин. К нему уже вернулось самообладание, а вместе с этим его охватил охотничий азарт.

– Я был один. – Мерцалов не стал юлить.

– Ну, вот видите! – снисходительно произнес чиновник.

– Что-то, Петр Иванович, вы слишком спокойны, – с недоброй усмешкой заметил Грек.

– Я спокоен, поскольку спокойна моя совесть. Надеюсь, ни у кого не возникает сомнений в том...

– А у меня как раз они и возникли, – продолжил экзекуцию хирург. – Почему вы не могли пристукнуть бедную девушку?

– Да как вы смеете! – подала голос Лара. – Сама мысль о том...

– Это мы уже слышали! – заметил Константин. У него появилась блестящая возможность поквитаться с обидчиками, чем он и не преминул воспользоваться. – Кстати, мы как-то выпустили из поля зрения вас. Вы – дама неуравновешенная, много пьющая. Откуда нам знать, вдруг это вы уколошили нашу бедную Эмму?

– Ну, знаете, это переходит все мыслимые границы! – зашипел чиновник.

– Мне незачем это было делать! – заявила Лара.

– Ах, вы, очевидно, имеете в виду мотив убийства? – уточнил хирург. – Спешу вас успокоить, наша убиенная подруга успела перед смертью обосновать причины, по которым она могла быть убита каждым из нас.

– Вы говорите про ту ерунду, которую нам здесь довелось выслушать? – голос чиновника дрожал от гнева.

– Примем эту «ерунду» за рабочую версию, – продолжил Грек. – Эмма выдвинула в ваш адрес определенные обвинения. Справедливые они или нет, обоснованные или высосанные из пальца – мы не знаем. Но нам известен результат – женщина погибла, и погибла, между прочим, насильственной смертью.

– Коли мы уже об этом заговорили, – вмешался Мерцалов, – давайте вспомним и про обвинения в ваш адрес.

– Верно, док! – подтвердил Константин. – Вас она тоже успела опорочить. Правда, что она имела в виду, я так и не понял.

– А я и не прячусь в кусты! – развел руками Грек. – Вы можете подозревать меня так же, как я подозреваю вас. Это нормально.

– Это ненормально! – выпустил пар чиновник. – Мы – умные, образованные люди – собрались здесь и рассуждаем о каких-то ужасных вещах. В дачном доме лежит труп молодой женщины, а мы видим друг в друге убийцу. Это выходит за пределы моего понимания!

– Но это вы задали подобный тон, – напомнил ему хирург. – Вы согнали нас в кучу и заявили, что убийца прячется в наших рядах.

– Я поторопился с выводами, – признал чиновник. – Давайте держаться единым фронтом, это будет разумно.

– Нам ни к чему лишние сплетни, – подтвердил Кротов.

– Давно бы так, – улыбнулся Грек. – Логика творит чудеса!

– Кстати, почему вы решили, что убийца обязательно скрывается среди нас? – не к месту подала реплику Лара. – *Разве он не мог быть со стороны?*

Этот простой и логичный вопрос почему-то не приходил в голову спорщикам раньше. Как по мановению волшебной палочки, лица приятелей разгладились, глаза заблестели. Спо-

лохи огня за каминной решеткой заиграли праздничными переливами. Мир был восстановлен.

– Извините за вторжение, – раздался сзади нерешительный голос Яна. – Вас просили предупредить. Приехала милиция...

Следователь прокуратуры Павел Майков был молод и амбициозен. Он грезил громкими уголовными делами и, разумеется, победами, которые вознесут его на вершину славы. Неплохо развитое воображение услужливо подсовывало ему заманчивые картинки.

Вот у него берет интервью симпатичная ведущая одного из центральных каналов телевидения. Он снисходительно улыбается ей, рассказывая о сложных перипетиях расследования. Синий прокурорский костюм ладно сидит на его мускулистой фигуре. Он уверен в своей мужской неотразимости. Его улыбка ослепительна, а речь безупречна. Кстати, почему расстегнуты верхние пуговицы на блузке журналистки?

Два месяца спустя. Он становится культовой фигурой современного сыска. Этакая гремячая смесь из комиссара Мегрэ, Шерлока Холмса и Коломбо. Его с удовольствием приглашают на съемки всевозможных ток-шоу. Его фотографию печатают в газетах под рубриками: «Люди, которые нас удивили», «Герой нашего времени». Он рекламирует зубную пасту и новый шампунь от перхоти, а зарубежные университеты настойчиво зазывают его почитать лекции оболтусам Кембриджа и Сорбонны.

Проходит полгода. И вот он, овеянный международной славой, идет по улице своего рабочего поселка. Рядом тормозит вишневая «девятка», стекло ползет вниз, и он видит милое веснушчатое лицо Маринки из пятого дома. Она улыбается. «Паша, это тебя, что ли, каждый день в рекламе кажут?» Он усмехнется: «А то?» – «Как насчет дискотеки сегодня вечером?» Он выждет паузу для приличия: «Могу». Дальше видимость пропадала, так как все вокруг затягивало сплошным розовым туманом...

Картинки растворялись, и после этого реальность казалась совсем серой и неприглядной. Крошечный кабинет в следственной части прокуратуры, который он делил с усатым, пропахшим дешевыми сигаретами Петровичем и юным практикантом из юридической академии. Тома самых обычных уголовных дел с убийствами «по пьянке» и изнасилованиями «по глупости» – ничего громкого, экстраординарного, способного перевернуть отечественную криминалистику. А главное, Маринка... Она по-прежнему проедет мимо него на своей вишневой «девятке» и даже не притормозит перед огромной величины лужей.

– Кто-нибудь мне объяснит, что здесь происходит? А? – орал Кротов, потрясая в воздухе рукавами банного халата. – Это что, следственный беспредел?

Следователь оторвал глаза от бумаги и воззрился на мужчину. Тот сильно походил на взбесившуюся гигантскую летучую мышь. Рукава хлопали, как крылья, а глаза уже налились кровью. Говорят, эти твари нападают на людей...

– Вас что-то не устраивает? – хлопнул белесыми ресницами служитель закона.

– Меня не устраивает все! Зачем, блин, вы взяли мою одежду, и какого черта меня рассматривал тот лысый мужичонка с чемоданчиком? Он даже скреб мою кожу и лез под ногти!

Кротов стучал босыми ногами по полу, что выражало крайнюю степень возмущения. С ним обошлись бесцеремонно, а подобного отношения к себе он не прощал.

– Видите ли, – голос молодого человека в сером вязаном свитере звучал ровно. – С вами поработал наш криминалист. Небольшие формальности, но одежду вашу пришлось изъять. Какое-то время она побудет у нас, а потом, если все сложится благополучно, вы получите вещи обратно. По описи.

– Сложится благополучно? – нахмурился Константин. – Для кого?

Прямой вопрос требовал прямого ответа, и обычно Павел Майков не брал на себя труд подбирать тактичные выражения. Но сегодня был явно не тот случай. Напротив него сидел известный человек и буравил его тяжелым взглядом. Что будет, если он пропесочит его в одной из программ своего канала? О карьерном росте можно будет забыть.

– Знаете, на вашей одежде были обнаружены пятна бурого цвета, и мы были вынуждены...

– Я же объяснил, что это кетчуп! – возмутился Кротов. – Почему меня никто здесь не слушает?

– Конечно, конечно, – поспешно согласился следователь. – Кетчуп на одежде – это так естественно. Но вот бурые полосы на вашем лице, и волосы, склеенные в сплошную массу... Согласитесь, у нас могли появиться вопросы.

– Я сознательно перепачкался в крови... Фу-ты, в кетчупе! Но не думаете ли вы...

– Ну, что вы, Константин Михайлович! – добродушно заявил следователь. – Почему вы решили, что вас кто-то подозревает? Мы взяли подногтевое содержимое и соскоб с вашей кожи только для того, чтобы подтвердить правильность ваших слов. Вдруг у вас найдутся злопыхатели, которые захотят опорочить ваше честное имя?

– Да. Таких подонков достаточно, – мрачно констатировал шоумен.

– Ну, вот видите! – воскликнул Майков. – Но кто будет спорить против научных выводов? Наши эксперты разом заткнут им рты.

– Пожалуй, вы правы, – глубокомысленно заявил Кротов. – Если там для вашей науки понадобятся бабки, я готов компенсировать...

– Будьте спокойны, – расплылся в улыбке следователь. – Государство расходы берет на себя. Идите к себе, отдыхайте.

– Да уж какой теперь отдых, – вяло махнул рукой Константин, тяжело поднимаясь с кресла.

Он плотнее запахнул халат и направился к выходу. Вопрос следователя догнал его почти на пороге:

– Константин Михайлович, простите за любопытство. А где вы раздобыли кетчуп?

– Кетчуп? – подавился от неожиданности Кротов. – Кажется, я взял его в мини-баре.

«Лжет!» – вынес вердикт Майков. Он собственноручно проверил содержимое бара в дачных домиках. Там было все что угодно – виски, коньяк, кола. Но кетчупа там не могло быть по определению...

Петр Иванович всем своим видом демонстрировал лояльность и готов был сотрудничать с кем угодно, лишь бы его репутация осталась чистой и незапятнанной.

– Эта идея мне не понравилась с самого начала, – доверительно нашептывал он следователю. – Ну, посудите сами, какой-то новомодный праздник, прибившийся к нам мутной волной иноземной цивилизации. Станный обычай рядиться и пугать всех кого ни попадя. Думаю, что произошедший здесь прискорбный случай – прямое следствие тлетворного влияния Запада...

«Эка куда хватил, – изумился про себя Майков. – А кого же прикажете сажать на скамью подсудимых? Американского президента, что ли?»

– Ответственно заявляю, что с моей стороны были предприняты все меры, чтобы не произошло никаких казусов. Моя супруга, святая женщина, также не имеет к этому никакого отношения. Мы собирались уехать, но в силу различных причин вынуждены были...

– Петр Иванович, – решил прервать монолог чиновника Майков. – Вы не вспомните, что говорила Эмма в этот вечер. Могут ли эти события пролить свет на ее трагический конец?

– Нет. Не думаю, – твердо заявил государственный муж. – Никакой связи тут нет и быть не может. Эмма была явно не в себе.

– Может, все-таки вы припомните ее слова?

– Нет, увольте. Не было ничего такого, чтобы я запомнил. Заклинания какие-то, дым и прочая ересь.

«Короткая у него память, – отметил следователь. – И почему он так волнуется? Неужели для этого есть причины?»

– Я думаю, что Эмму забрали с собой духи, – говорила Мария, нервно комкая в руках носовой платок. – Знаете, она говорила, что сегодня открываются врата между миром мертвых и миром живых, и вполне возможно...

– Мария Ивановна, – не выдержал Майков. – У вашей подруги рубленая рана головы. Духи на подобное не способны.

– Если бы знать... – произнесла Кротова, и взгляд ее устремился в бесконечность. Возможно, там воображение ей рисовало те самые врата, за которыми теперь томилась душа Эммы. Страдающая и беспокойная, она металась там, где границы света и тьмы призрачны, а воспоминания о земном существовании – не более чем сон.

– Все-таки зачем вы захватили с собой топорик, когда отправились в дачный дом Эммы? – выплыл из небытия вопрос следователя.

– Мне Костя сказал, – в глазах Кротовой читалось искреннее удивление. Неужели жена не должна следовать приказам мужа?

– А ваш супруг объяснил, зачем это нужно сделать?

– А разве это так важно?

«Э! Да она тупа как пробка, – сделал вывод Майков. – *Идеальное орудие преступления – преданная и не задающая вопросов женщина.*»

– Я расцениваю варианты как пятьдесят на пятьдесят, – говорил Грек. – Половина за то, что ее уколол кто-то из своих, а половина – что к этому имеет отношение кто-то пришлый.

– И вы так спокойно об этом говорите? – недоумевал Майков.

– О чем это вы? Я же – врач. Я лишен излишних сантиментов и привык смотреть в глаза фактам.

– И факты, по-вашему, говорят о том, что один из тех, кто сидел сегодня с вами за одним столом, – хладнокровный убийца?

– Ну и что с того?

– Надеюсь, вы себя из этого списка исключаете?

Хирург хмыкнул.

– А что? У меня был мотив, как, впрочем, и у всех остальных. Эмма что-то намекала на мои врачебные грехи.

– Вы поняли, о чем речь?

– Нет! Но я – хирург. В моей профессии без риска нельзя. Всегда найдется тот, кто чем-то остался недоволен. Так что, с точки зрения моих товарищей по несчастью, я вполне мог желать смерти бедняжки Эммы, упокой Господь ее душу.

«Холодный циник, – отметил про себя следователь. – Интересная манера самозащиты. Он прекрасно держит себя в руках. *Вот только говорит ли это в пользу его невиновности?*»

– Я думаю, что среди нас нет убийцы, – говорил Мерцалов. – Во-первых, обратите внимание на контингент гостей. Все – известные, заслуженные люди. Пускаться во все тяжкие, кромсая свою и чужую судьбу, – извините, это не наш стиль. Во-вторых, считать мотивом убийства несвязные обвинения Эммы, по крайней мере, смешно. Конечно, это был не самый приятный вечер в жизни моих приятелей, но пережить его было вполне можно, даже не прибегая к помощи топора.

– Вы можете что-то прояснить в отношении себя самого?

Андрей усмехнулся:

– Вы про кровавые реки и ночные кошмары? Извините, я – фармацевт, но не психоаналитик. Отвечать за все, что творилось в голове бедной Эммы, я не могу. Хотя по-человечески мне ее искренне жаль. Как бы то ни было, она не заслужила такой конец.

– Вы не объясните, чем было вызвано ваше долгое отсутствие в течение вечера. Вам не нравилась компания?

Собеседник не смутился:

– У меня был очень сложный день. Деловые переговоры. Разве есть что-то удивительное в том, что я искал уединения? На берегу было так тихо и спокойно. Я бросал камешки, как когда-то в детстве, а потом сидел и смотрел на воду...

«Мило и романтично. Вот только насчет тишины и спокойствия он приврал. *Не был он на берегу озера. Вот только где же он тогда был?*»

– Дурацкая компания и отвратительный вечер. Мы только зря потеряли время. Да еще это убийство! Все это так некстати. Боюсь, что теперь нас затаскают по повесткам, – горячилась Лара.

– Я так понимаю, что смерть близкой подруги вас не слишком-то огорчила? – задал вопрос следователь.

Женщина закатила глаза к потолку, изображая усталость.

– О боже! Ну, конечно, расстроила. Что вы там себе вообразили?

– Ну а вопросы типа «Кто виноват?» вы себе задавали?

Лара взъерошила кудряшки и в недоумении уставилась на следователя.

– А разве не ясно? Эмму убил какой-нибудь бродяга, случайно оказавшийся рядом с ее домиком.

Настал черед удивляться следователю:

– Бродяга? А какой ему с этого прок?

– Ну, деньги, драгоценности, черт возьми. Вы что, не смотрите «Криминальную хронику»?

«Поверхностна и беспечна, но отнюдь не столь глупа, как пытается изобразить. Красивая внешность и очаровательная взбалмошность – этим она облапошивает мужчин. *Интересно, эти ее ужимки – дань привычке, или она попросту пытается сбить меня с толку. Зачем?*»

– Я – адвокат и знаю, о чем говорю, – возбужденно говорила Дубровская. – Нет сомнений, смерть Эммы – это прямое следствие тех разоблачений, которые она произвела сегодня вечером.

– Иными словами, вы хотите сказать, что убийцу следует искать среди гостей? – настаивался Майков.

– Вне всяких сомнений.

– Можно полюбопытствовать, почему вы так решили?

– А вы можете предложить что-то другое?

– Конечно. Эмму убил кто-то посторонний. Безродный бродяга, например.

– Бродяга на охраняемой территории. Бросьте!

– Вы можете назвать подозреваемого?

– Нет. Могу исключить только себя и своего мужа.

Следователь расхохотался:

– Поразительная вещь. Примерно то же самое повторили все супружеские пары. – Он наклонился ближе. – У вас есть какие-нибудь факты или в вашем распоряжении только женская интуиция?

– Нет, у меня есть еще знания. Не забывайте, я – практикующий адвокат, – молвила Лиза.

– Я уже об этом слышал. Вот только не знаю, какую это может принести пользу в данном деле, – честно сказал Майков.

– Я хочу оказать помощь следствию. Помочь изобличить убийцу.

Дубровская с трудом сдерживала нетерпение. Положа руку на сердце сегодняшнее происшествие взволновало ее безмерно. Еще бы! Она ведь адвокат, а тут стала свидетелем, да еще в деле, которое, вне всяких сомнений, выйдет на новостные каналы. Может ли она стоять в стороне от таких событий и наблюдать за тем, как кто-то решает заковыристую головоломку?

– Позвольте, но в роли кого вы себя видите? – опустил ее с небес на землю насмешливый голос следователя.

Елизавета прикусила язык. Действительно, по данному делу она является рядовым свидетелем. Стало быть, перечень ее обязанностей широк, а вот с правами негусто. Да, она не может отказаться от дачи показаний – раз! Она обязана говорить правду – два. И, наконец, она должна являться по требованию следствия и суда. Никакого намека на свободу действий и собственное расследование. Вот если бы Лиза была назначена по данному делу адвокатом. Предположим, она защищала бы интересы собственного мужа. Однако какая глупость ей пришла в голову. Андрей – не подозреваемый, и надо сплунуть через плечо, не дай бог такое когда-нибудь случится...

Майков наблюдал за ней с улыбкой.

– Следствие будет вам крайне признательно, если вы сможете назвать нам имя убийцы. Но не забывайте – расследование здесь веду я! Поэтому никакой самодеятельности. От вас я могу принять только информацию.

Черт! Дубровская угрюмо молчала.

– Вот видите! – Майков не смог скрыть торжества. – Вы знаете не больше других. Так что не стоит кидаться обвинениями и обещаниями. Ваш гражданский долг – являться по повестке...

– Стойте! – Лиза словно что-то вспомнила. – Вы обратили внимание на беспорядок в комнате Эммы?

– Конечно. Кто-то целенаправленно рылся в ее вещах. Это, кстати, говорит в пользу нелепой версии о бродяге. Согласитесь, можно убить из-за мести или из страха перед разоблачением, но зачем тогда потрошить вещи?

– Убийца искал кассету! – воскликнула Лиза.

Майков поморщился.

– Ту самую, на которой запечатлен компромат?

– Вот именно! Скажите, среди вещей Эммы что-нибудь подобное найдено?

– Нет.

– Значит, мы опоздали. Теперь убийцу будет вычислить непросто.

«Еще как непросто! Вот только зачем тебе понадобилось лгать про встречу с Эммой?»

Где ответ на этот вопрос, госпожа всезнайка?»

Следователь сложил бумаги в папку и прошелся по каминному залу, разминая затекшие от длительного сидения ноги. На смену беспокойной ночи пришло не менее беспокойное утро. За окнами повис туман, а на стекла словно кто-то дохнул холодом. Осень наступила внезапно, за одну ночь. Жарко пылающие поленья в камине были бы сейчас как нельзя кстати, но огонь давно погас и зола остыла. В помещении было холодно и неудобно.

Майков стоял у окна, наблюдая за тем, как дворник сметает с дорожек опавшую листву. Унылая картина за окном была продолжением его безрадостных мыслей...

Господи! Разве об этом он просил, мечтая о деле незаурядном? На первый взгляд здесь было все, о чем он грезил: замысловатый сюжет и интересные фигуранты. Но с другой стороны, это нешаблонное дело могло стать лебединой песней его прокурорской карьеры. Свидетели, они же подозреваемые, все как на подбор «из тех самых». Тронь таких – завоняет так, что греха не оберешься. Тут не поможет принцип «посадим, а потом решим, за что». Действовать следовало осторожно и с оглядкой. Заманчивая, конечно, версия о несчастном бродяге, слоняющемся без дела на территории элитной базы. Но пойдешь найди этого проходимца. А между тем чутье сыщика настырно твердило одно: убийца здесь, он рядом. Он даже не покинул еще это богом проклятое место. Только протяни руку, и наткнешься на него, успешного и самоуверенного, того, у которого бумажник туго набит кредитками, а в записной книжке имена, от которых у бедного следователя начинается нервный зуд. Но действовать все равно надо. Может, ему повезет, и его свалит грипп? Но где же ему взяться в самом начале ноября? Ох, беда, беда...

Дорога петляла причудливым серпантином, спускаясь все ниже и ниже к озеру. Елизавета знала ее как свои пять пальцев. Вот сейчас, за поворотом, мелькнет синяя крыша санаторного корпуса, а всего через несколько сотен метров начнется первая улица загородных коттеджей. До их дома отсюда рукой подать. Распахнулись знакомые чугунные ворота, и вперед устремилась подъездная аллея, засаженная липами.

За всю дорогу она не произнесла ни слова, как, впрочем, и Андрей. Удобно устроившись в автомобильном кресле, он всю дорогу дремал, словно история, произошедшая не далее чем минувшей ночью, была незначительным недоразумением, о котором и вспоминать не стоит. Лиза тоже была разбита, но лихорадочное возбуждение, вызванное загадочной смертью Эммы, все еще не отпустило ее. Она в деталях старалась припомнить события вечера, словно разгадка происшествия пряталась где-то в нагромождении мелочей и фактов. Каждое сказанное слово приобретало сейчас особую значимость, можно сказать, зловещий смысл, но от этого картина преступления не становилась ясной. Ей очень хотелось поговорить с Андреем, узнать, что думает по этому поводу он, но присутствие водителя сковывало ее, и Лиза решила с серьезным разговором повременить...

Ян остановил машину у крыльца и предусмотрительно покинул салон, предоставляя пассажирам возможность прийти в себя после долгого пути. Дубровская взяла в руки сумочку и перчатки и собралась было выйти на воздух, как рука супруга мягко, но настойчиво сжала ее запястье.

– Подожди, дорогая. Всего минуточку.

Лиза вопросительно взглянула на супруга.

– Видишь ли, милая, мы провели чудовищную ночь. Я не хотел бы обсуждать это происшествие еще и в домашних стенах. Ни к чему будоражить родителей. Ты же знаешь, как впечатлительна мама. Надеюсь, ты меня поняла.

Она не поняла ничего. Но задать ему вопрос означало вызвать его недовольство. Он начнет что-то раздраженно объяснять, замкнется в себе, и между ними появится холодок отчуждения.

– Конечно, я все поняла, – только и сказала Лиза.

– Ну вот и умница, – с облегчением произнес он, легонько коснувшись ее щеки своими губами.

Резиновый поцелуй не принес ей радости...

За ужином царило оживление. Родители Андрея рассказывали о недавнем визите к своим знакомым. Сергей Аркадьевич беспрестанно сыпал шутками. Ольга Сергеевна смеялась. Они явно пребывали в чудесном настроении и были рады возможности пообщаться с

детьми, тем более что такие встречи в последнее время стали большой редкостью. Сын был сильно загружен делами, ну а невестка питалась урывками, предпочитая общество книг или телевизора.

– Ну что мы только о себе да о себе, – спохватился Сергей Аркадьевич. – Вы-то как?

– Весело провели время? – улыбнулась свекровь.

– Замечательно, – кивнул головой Андрей, отрезая кусочек курицы.

Дубровская взглянула на него, но он как ни в чем не бывало орудовал ножом и вилок. Appetit у него был отменный.

– Ну а ты, Лиза, что молчишь? – обратился к ней Сергей Аркадьевич. – Впечатления есть?

– Да. Спасибо, – сдержанно ответила Дубровская.

– Мы немного устали, – объяснил немногословность жены Андрей. – Были на ногах всю ночь.

– Понимаю, понимаю, – махнул рукой Мерцалов-старший. – Сам был молодым. Помню, что такое утро после вечеринки.

Обед продолжался. Стучали столовые приборы. Менялись блюда. Звенели бокалы. Только Елизавета сидела сама не своя, бесцельно гоня по тарелке картофеля. У нее кусок не лез в горло. Исподтишка наблюдая за собственным мужем, Дубровская поражалась его выдержке. А может, равнодушию?

– Кстати, Андрей! – воскликнула вдруг Ольга Сергеевна. – Помнишь нашего управляющего Тимофея?

– Помню, – ответил сын, добавляя в картофель подливку из соусника. – Хороший был человек, порядочный и работающий. Жаль, болезнь его скрутила. Такого работника днем с огнем не найдешь.

– Согласна. Так вот, Андрюшенька, мы взяли на службу его дочь. Каюсь, не посоветовались с тобой. Но, надеюсь, ты возражать не будешь. Нам все равно требовалась горничная.

– Капитолина давно подыскивала подходящую кандидатуру. А тут, как на заказ, девушка молодая, энергичная, обучаемая, – поддержал супругу отец Андрея.

– Да и рекомендации не нужны. В наше-то беспокойное время...

– Господи, да я не против! – отодвинул тарелку Андрей. – Нанимайте, кого считаете нужным. Только в толк не возьму, зачем вы нагружаете меня всеми этими проблемами. Вон у нас хозяйка дома. Пусть она и решает!

Родители в недоумении уставились на Елизавету, словно не понимая, зачем нужно спрашивать того, у кого мнения своего все равно нет.

– Э-э, Лиза, – опомнилась свекровь. – Что ты думаешь?

– Если ты возражаешь... – начал было Сергей Аркадьевич.

– Нет, что вы, – пискнула Дубровская и покраснела. Ее голос звучал так молодо, нелепо и совсем не соответствовал образу хозяйки огромного дома, который ей безуспешно пытались навязать. – Я, конечно, соглашусь с тем, что вы предложите. Не берите на себя труд спрашивать меня. Вам, разумеется, виднее.

Во взгляде свекрови мелькнуло едва уловимое пренебрежение. В отличие от новенькой горничной, Дубровская по части приобретения жизненных навыков звезд с неба не хватала: за целый год сытой и обеспеченной жизни в известном семействе она так и не усвоила светских манер. В ее словах сквозила неуверенность, а в движениях подростковая угловатость.

– Ну что же, – подвела свекровь черту. – На этом и порешим. Пусть девушка остается. Тем более что хозяйка дома не возражает.

Был ли в последней фразе свекрови скрытый подтекст, Лиза так и не поняла, но ее настроение почему-то упало до абсолютного нуля...

Солнечный луч разрезал серую пелену и, пробравшись через узкую полоску между шторами, упал на стену. Дубровская лежала в постели, лениво рассматривая незамысловатый рисунок обоев. Полоска, полоска, цветок, темное пятно. Опять полоска, полоска... И так до бесконечности. Ей нравилось утром нежиться в теплой кровати, предаваясь приятному безделью. К сожалению, такая возможность у нее появлялась только по выходным. В будни же старинные каминные часы своим непрерывным тиканьем действовали ей на нервы. Больше всего раздражение вызывала длинная золоченая стрелка, отсчитывающая секунды. Она носилась по кругу, ни на мгновение не останавливая свой бег, и Елизавета почти осязаемо чувствовала, как бежит время. За окном дворник мел дорожки, где-то из глубины дома доносились голоса. Утро шло своим чередом, вот только ей не было дела до всеобщей суеты. Больше всего Лизе хотелось сейчас зарыться лицом в подушки и проспять до обеда, но правила дома, сформулированные не в добрый час Ольгой Сергеевной, предписывали всем домочадцам являться к завтраку в строго отведенное время. Нарушителей ожидала суровая отповедь и лишение очередного приема пищи.

Словно подтверждая невеселые мысли Дубровской, раздался стук в дверь, и на пороге появилась незнакомая девушка с пшеничной косой.

– Доброе утро, Елизавета Германовна! – произнесла она.

Дубровская не успела опомниться, как незнакомка быстрыми шагами пересекла комнату и раздвинула занавеси. Солнечный свет залил собой комнату, узоры на стене исчезли. Елизавета хлопала глазами, как сова, перепутавшая день с ночью, а девица стояла рядом с кроватью, лучезарно улыбаясь, словно ожидая похвалы за свою расторопность.

– Ваш халат на кресле. Домашние туфли рядом. Свежие полотенца я уже повесила на горячую трубу в ванной. Не желаете ли чаю?

– К-кто вы? – еле прошелестела губами Елизавета. Стремительный переход от сладкой дремы к реальности дался ей с большим трудом.

– Ваша новая горничная – Полина.

– Горничная? – Дубровская соображала вяло.

Ах, горничная! Стало быть, о ней шла вчера речь. Это дочь того самого Тимофея, который некогда исправно трудился в доме Мерцаловых. Он слыл редким работягой и дочь, похоже, воспитал под стать себе, такую же трудолюбивую и до безобразия энергичную.

Легкое раздражение, вызванное бесцеремонными действиями Полины, уступило место естественному любопытству. Натянув простыню до подбородка, Елизавета рассматривала новую горничную. Та, в свою очередь, уставилась на хозяйку.

Преимущество было не на стороне Дубровской. Бледная, заспанная, с растрепавшимися волосами, она выглядела неважно. Розовая пижама с мишками и две бигуди на голове не добавили ей уверенности в себе.

Полина на ее фоне смотрелась куда более выгодно. Свежая, розовощекая, словно сошедшая с рекламного щита о пользе нового витаминного комплекса, она просто излучала здоровье. Пуговицы на ее блузке готовы были разлететься в стороны под напором молодой полной груди. Между тем стройные бедра, длинные ноги и превосходный рост добавляли ей модельной стати. Увидев такую девушку, мужчина сразу бы задумался о продолжении рода и здоровом потомстве. В этом Дубровская была уверена на все сто.

Утреннее открытие неприятно поразило Елизавету. Горничная дала повод для беспокойства. Каково иметь такую прислугу в непосредственной близости от молодого красивого мужа? Боже, как же глупа ее свекровь!

Молчание затянулось, и Дубровская почувствовала легкое беспокойство. Что ждет эта девица? Распоряжений?

– Вы... э-э... – протянула она.

– Да? – Полина вопросительно уставилась на нее.

В который раз Елизавета с горечью осознала, что она слишком хорошо воспитана. Новенькой горничной явно не хватало того, чего у Дубровской было в избытке, а именно чувства такта.

«Шагом марш из моей комнаты! – хотелось сказать ей. – И впредь появляться здесь будешь только тогда, когда я приглашу тебя. И надень приличной длины юбку, блузку тоже замени. И вообще, не попадайся на глаза моему мужу!»

– Вы о чем-то хотели меня попросить? – повторила вопрос Полина.

Краска залила лицо Дубровской.

– Нет. Благодарю вас, – выдавила она через силу.

– Я могу идти?

– Разумеется. Передайте, что через пять минут я спущусь.

– Поторопитесь. Андрей Сергеевич уже заканчивает свой завтрак.

Дверь щелкнула, а Елизавета так и осталась сидеть с открытым ртом в своей постели. Значит, пока она тут созерцает полосы на старых обоях, ее муж всю общается со смазливой горничной...

Дубровская представила, как красавица с пшеничной косой ухаживает за ее супругом. Вот она наливает ароматный напиток из блестящего кофейника. Андрей следит за бегущей струйкой, а заодно и за полной грудью в тесной кофточке. Когда девушка наклоняется, вырез блузки ползет вниз, оголяя соблазнительные округлости. Она, нарочито смущаясь, улыбнется пухлыми губами, и Андрей улыбнется ей в ответ. Отхлебывая утренний кофе, он обратится к ней, как к старой знакомой:

– Поленька, солнышко, не в службу, а в дружбу. Сбегай-ка наверх, скажи Лизе, что мне пора ехать. Она, знаешь ли, ужасная засоня.

И опять обмен улыбками. Между ними уже появилась маленькая тайна, и это сближает...

Дубровская скрипнула зубами от злости и соскочила с постели. Поплескав в лицо водой, она схватила полотенце. Наскоро прошлась расческой по волосам, взглянула в зеркало. Конечно, глаза припухли, да еще на носу выскочил прыщик. Хороша, ничего не скажешь. Ну да ладно, не до красоты сейчас.

Она помчалась вниз, ожидая увидеть ту самую картину, которую ей нарисовало воображение. В столовую она вошла, еле сдерживая сбившееся дыхание. Горничной там не было...

– Лиза, что-то случилось? – испуганно спросил Андрей.

– Да. То есть нет, – выговорила она, присаживаясь напротив. – Ты уже уезжаешь?

– Да, мне пора. Но объясни мне, почему у тебя такой странный вид. За тобой что, гнались? И во что ты одета?

Дубровская только сейчас сообразила, что на ней банный халат и шлепанцы. Неписанные правила свекрови требовали от всех домочадцев приличного внешнего вида. Лиза считала эти требования старомодными, но открыто возражать не решалась.

– Я просто хотела поухаживать за тобой, – проговорила она в свое жалкое оправдание.

Это была истинная правда. Отличаясь редкой неумелостью во всех хозяйственных вопросах, Лиза тем не менее свято соблюдала утренний ритуал. Он выработался как-то сам собой и повторялся без изменений каждое утро их недолгой семейной жизни. Дубровская наливала мужу в чашку чай или кофе, подавала сахарницу или солонку, намазывала на тосты джем. В исключительных случаях она готовила бутерброд с маслом и сыром и чрезвычайно гордо несла его на отдельном блюде. Потом, подперев щеку кулачком, она наблюдала, как супруг расправляется с нехитрым завтраком, бегло просматривая газеты. Покончив с едой, он вытирал руки салфеткой, привычно целовал ее в макушку. Через несколько минут водитель подавал к крыльцу машину, а Лиза, прильнув к окну в столовой, наблюдала, как

выходит из дома ее муж, кидает несколько слов на ходу дворнику, а потом поворачивается и машет ей на прощание рукой. И так день за днем, неделя за неделей...

– Извини, тебе не стоило беспокоиться, – сказал он сегодня. – Я тороплюсь. Позавтракаешь без меня.

Она кивнула, пряча глаза. Ей так не хотелось, чтобы он видел ее огорчение. Ведь он едет на работу. У него масса проблем, и нет необходимости создавать новые. Идеальная жена приносит только радость. Во всяком случае, так считала Елизавета.

– Кстати, милая, – вспомнил он. – В среду мы идем на похороны. Я понимаю, что это не доставит тебе удовольствия, но нужно соблюсти приличия. Мы не пробудем там долго.

Андрей сказал это быстро, на бегу, как самую обыкновенную вещь. Его мысли занимали другие, более важные и срочные дела, а происшествие минувших выходных уже отошло в прошлое и заняло свое место в череде ничем не примечательных ушедших дней.

...В юридической консультации было немногочленно. Защитники успели разбежаться по своим делам. В помещении конторы оставалось лишь несколько адвокатов, не занятых в процессах. Кто-то готовил деловые бумаги к очередной судебной баталии, кто-то штудировал законодательство. Лиза же, устроившись за дальним столом просторного офисного помещения, общалась с клиенткой.

Перед ней лежали те самые бумаги, которые она брала с собой в тот памятный вечер на озеро. Разумеется, события последних дней отодвинули на задний план начатое ею дело, и заявление с многообещающим началом: «Прошу привлечь моего мужа к уголовной ответственности...» – так и осталось неизученным. Конечно, Дубровская не стала посвящать сидящую перед ней женщину в подробности своего последнего выходного дня и оправдываться в собственной нерасторопности. Она пыталась найти выход из создавшейся ситуации на месте...

– Это не жизнь! – всхлипывала женщина в неряшливо повязанной на голову косынке. – Я не могу заниматься любимым делом. Я не могу привести в дом друзей. Он запрещает общаться мне даже с родственниками. О каждом своем шаге я обязана докладывать ему. Он требует, чтобы телефонная линия была свободна и я могла быть доступна ему, если это вдруг потребуется.

– Он бьет вас? – тихо спросила Лиза.

Клиентка молча кивнула головой и, убедившись, что на них никто не смотрит, расстегнула выдавшую виды кофточку. На обнаженном плече алел свежий кровоподтек. Тыльные поверхности рук украшали многочисленные ссадины.

– Я пыталась защищаться. Правда, безуспешно, – жалко улыбнулась она. – Он периодически избивает меня. На его языке это называется воспитанием. Повод может быть любым: борщ недосолен, в доме кончился хлеб, начальник сделал ему выговор...

– Но вы-то здесь при чем? – изумилась Лиза. – Я имею в виду, конечно, неурядицы с начальником.

Женщина махнула рукой:

– Я ответственна за настроение его босса, за дождливую погоду и за колебания курса доллара. Он не утруждает себя объяснениями. Просто отвешивает подзатыльник, дает зуботычину или пинок, по настроению. Про словесные оскорбления я даже не говорю.

– Но так жить нельзя! – воскликнула Лиза.

– Согласна, – пожалала плечами женщина. – Поэтому прошу вас посадить его в тюрьму!

Дубровская вздохнула. Обыватели порой не видят разницы между адвокатом, следователем и судьей. Адвокатуру считают чем-то вроде подразделения прокуратуры и свято верят в безграничные возможности защитника: казнить и миловать. На самом деле все не так просто. Адвокат – не государственный служащий, наделенный властными полномочи-

ями. Да, он вхож в суд и прокуратуру, но не наделен правом применять меры принуждения в отношении несознательных граждан. Он может помочь советом, представить ваши интересы в суде и на следствии, составить юридический документ. Но допрашивать, составлять протокол и арестовывать он не вправе. Для этого есть специальные органы и лица. Но как это объяснить женщинам, годами страдающим от издевательств домашних тиранов? На их жалобы представители милиции реагируют так же, как на появление назойливых мух в летний сезон. «Отстаньте, гражданочка! У нас работы по горло. Вы уж сами в своих семейных делах разбирайтесь, а нам убийц и воров ловить надо!» Поэтому и остается у бедных женщин надежда на адвоката.

Лиза встряхнула головой. Довольно рассуждений! Пришла пора действовать...

– Вы твердо решили наказать вашего мужа? – спросила она.

– Конечно, – удивилась женщина. – Отправить его за решетку.

– Ну, насчет решетки я вам обещать не могу, – замялась Лиза. – Если, конечно, он нанесет вам серьезное увечье или же убьет вас...

– Господи! О чем вы говорите? – испугалась клиентка. – Хотя, зная своего деспота, я не удивлюсь и такому финалу. По правде говоря, оказавшись на том свете, я вряд ли буду занята мыслями о его наказании. Так что, по возможности, не допустите вреда моей жизни и здоровью, а ему придумайте достойное возмездие.

– Хорошо, – улыбнулась Лиза. – Возбудив против вашего мужа дело частного обвинения, мы преподадим ему хороший урок. Статья 116 Уголовного кодекса «Побои» ему подойдет? Конечно, за решетку его не отправят, но определенную встряску он получит. Если он не возьмется за ум, мы инициируем возбуждение дела по статье «Истязание». А там уже и до реального лишения свободы рукой подать. На все нужны только ваши решимость и терпение.

– Этого у меня достаточно, – заявила женщина, проглотив последнюю слезу.

– Ну вот и отлично! – обрадовалась Лиза. – Хочу лишь вас предупредить, что, если вы заберете свое заявление обратно, чуда не получится. Вы откажетесь от своих требований, и уже никто, включая прокурора, не сможет вам помочь.

– Этого не произойдет, – пообещала клиентка.

– Тогда перейдем к деталям, – Лиза придвинула к себе бумаги. – Нам потребуются доказательства: показания свидетелей и медицинское освидетельствование.

Дубровская была рада работе, которую сторонний наблюдатель мог бы посчитать рутинной. Она давала ей ощущение собственной значимости и отодвигала далеко за горизонт все то, о чем сейчас совсем не хотелось думать...

Лара придирчиво рассматривала себя в зеркале. Оснований для беспокойства не было никаких. Выглядела она просто замечательно. Черный костюмчик выгодно облегал стройную фигуру, а мрачный траурный цвет, как ни странно, подчеркивал ослепительную белизну кожи. Даже нелепая черная шляпка, без дела лежащая на антресолях платяного шкафа, пришлась сегодня весьма кстати. Золотистые кудряшки задорно топорщились под узкими полями, делая ее похожей на изысканную светскую даму. Серьги с сапфирами весело раскачивались в ушах. Ансамбль дополняла черная сумочка прямоугольной формы, которую следовало держать в руке. Черные атласные перчатки были обязательны.

«Черт возьми! – подумала она. – Так недолго и полюбить похороны».

Раздался вежливый стук в дверь. На пороге показалась щуплая фигурка горничной, робкой девушки в форменном платье с передником.

– Лариса Дмитриевна, вам почта, – произнесла она, аккуратно протягивая хозяйке серебряный поднос.

Рука Лары застыла в воздухе, но лишь на мгновение, потом быстро потянулась к подносу и поспешно схватила конверт, где вместо обратного адреса красовалась витиеватая надпись: «Агентство добрых услуг».

Это было непереносимое требование Лары. Почту она желала получать только на серебряном подносе, как было принято когда-то в лучших домах. И неважно, что большого потока корреспонденции в их доме не наблюдалось. Прислуга должна была выполнять пожелания хозяйки, и точка!

Зная крутой нрав госпожи, горничная стояла, смиренно опустив голову, словно ожидая очередной порции недовольства. Но Ларе сегодня было явно не до нее. Нетерпеливо махнув рукой в направлении двери, хозяйка отошла к окну. Горничная беззвучно убралась прочь.

Дрожащими пальцами Лара открыла письмо. Опять та же самая почтовая бумага с забавным штемпелем в уголке.

Строчки стремительно побежали перед глазами.

«Глубокоуважаемая Лариса Дмитриевна!

Наше агентство добрых услуг счастливо обратиться к вам в очередной раз. Мы с удовольствием доставим любое ваше послание по адресу: ул. Краснопольская, д. 25. Сообщаем, что прежняя ваша посылка своевременно вручена адресату, однако, к его огорчению, жертвуемая вами сумма оказалась вдвое меньше ожидаемой. Настоятельно рекомендуем вам в дальнейшем четко следовать нашей инструкции. Думаем, что сумма в две тысячи американских долларов удовлетворит нашего клиента и обеспечит вам спокойное существование на ближайший месяц. Обещаем обращаться к вам только в случае крайней нужды. С глубоким уважением: администрация агентства.

P.S. Адресат выражает вам глубокое соболезнование в связи с событиями 15 апреля этого года».

Лара едва сдержалась, чтобы не скомкать лист и не швырнуть его в мусорную корзину. Когда это закончится?

Она заметила, что у нее дрожат руки. Сложив листок и убрав его в конверт, она обвела взглядом комнату. Куда бы спрятать письмо, чтобы оно раньше времени не попало на глаза мужу? Чертова прислуга, однако, тоже сует везде свой нос. Оставалось только одно: взять конверт с собой. Лара сложила его вдвое и убрала с глаз подальше, в отделение с замочком. Подумав немного, она туда же положила туго запечатанный бумажный мешочек с белым порошком. Нервы были ни к черту!

Домработница вытирала пыль с рояля, когда из спальни послышались знакомые звуки: свист и утробное рычание. словно рядом с ней истязали какое-то животное. Здраво размышляя, живности неоткуда было взяться в этом большом, красиво обставленном доме. Она вспомнила, с каким благоговением перешагнула когда-то порог этого загородного особняка. Широкая, устремленная вверх дубовая лестница, картины в массивных рамах, хрустальная люстра, как в каком-нибудь Дворце культуры, старинные канделябры на камине – сказка! Еще тогда она дала себе слово: удержаться здесь любой ценой. Если уж не жить по-людски, так хотя бы работать в таком месте, где запах больших денег просто витает в воздухе, как аромат дорогих духов. Но потом начались странности...

Кротовы уединялись в своей роскошной спальне на верхнем этаже. Чем они там занимались, неизвестно, но хозяйка непременно выходила оттуда с красными, заплаканными глазами. Хозяин, напротив, вид имел угрюмый, но удовлетворенный. Что делают наедине в спальне мужчина и женщина, домработница представляла себе: сама была много лет замужем. Вот только в этой семье было что-то не так, не по-людски. Что именно, женщина понять не могла.

Как-то раз, осмелившись, она пробралась поближе к спальне. Она здорово рисковала, ведь хозяева могли застать ее врасплох. Но любопытство оказалось куда сильнее боязни. Домработница захватила с собой ведро с тряпкой, чтобы в случае чего сделать вид занятой и безразличной. Вначале из спальни раздавался монотонный гул голосов, супруги разговаривали, причем мужские интонации были резкие, наступательные, женские – более протяжные, просительные. Слов, конечно, было не разобрать: в богатых домах ставят массивные двери от посторонних ушей. У домработницы уже затекло тело, подслушивая, и она махнула рукой, решив уйти, как вдруг за дверью что-то рухнуло. Кто-то выругался. Потом раздался свист. Происхождение его женщина так и не поняла. Она бы не заподозрила ничего дурного, если бы этот странный звук не повторялся снова и снова и не сопровождался всякий раз протяжным стоном. Домработница готова была душу заложить дьяволу, лишь бы узнать, что творилось за дверью. Одновременно ей стало страшно. Она убрала ведро и тряпку и удалилась в соседнюю комнату, вздрагивая каждый раз, когда тишину нарушал свист и человеческий вопль. Ее колотила нервная лихорадка. Было не по себе.

Через несколько минут звуки стихли, но спальню супруги не покинули. Прошел час. Наконец хлопнула дверь и кто-то быстрыми шагами прошел по коридору. Осторожно, чтобы не создавать шума, домработница выглянула за дверь. Женская фигура в махровом длинном халате удалялась прочь. Вне сомнений, это была хозяйка. Плечи у нее вздрагивали, а походка казалась нетвердой...

Странности повторялись периодически, но домработница так и не смогла к ним привыкнуть. Забываясь куда-нибудь в уголок, она ждала, когда все закончится, в очередной раз спрашивая себя: стоит ли ее работа пережитого ею страха. Ответ был: «Стоит!», но на душе было мутно. Вот и сегодня, прислушиваясь к звукам, доносящимся из хозяйской спальни, женщина вздрагивала. Она знала, что Кротовы сегодня собирались на похороны какой-то своей знакомой, и надеялась, что у нее будет время прийти в себя.

Наконец громко хлопнула дверь наверху.

– Варвара! – раздался голос хозяина. – Скажи водителю, что через полчаса мы выезжаем.

«Слава богу! – подумала она. – Катитесь вы куда подальше...»

Павел Грек вел свой обычный прием. Напротив него сидела молоденькая пациентка с недовольным выражением мелкого лица и вот уже минут тридцать жаловалась ему на собственную жизнь.

– Это невыносимо, доктор. Посмотрите на мою кожу, на мой нос. Возможно ли существовать с таким убожеством? А эта грудь, бедра... Моим родителям нужно было запретить иметь детей...

– Скажите, а хоть что-нибудь в вашей внешности вас устраивает? – задал вопрос хирург.

Пациентка дернулась, как от разряда тока.

– Нет, конечно. Разве вы не видите?

– Не вижу. Извините, сколько вам лет?

– Восемнадцать. А разве это имеет значение?

– А ваши родители знают о том, что вы желаете с собой сотворить?

– Но я уже взрослая...

«Доктор, я уже взрослая, состоявшаяся женщина, чтобы не понимать значение своих просьб и действий», – вдруг вспомнилось ему. Стефания Кольцова, яркая журналистка одного из местных телеканалов, сидела когда-то в его кабинете, в том же самом кресле. Улыбка играла на ее губах. В руках она вертела сигарету, и, хотя это шло вразрез с санитарными правилами, принятыми в клинике, Павел Грек не решался ей возразить. Ее зеле-

ные, немного русалочки глаза гипнотизировали его, подавляли волю. Он жадно рассматривал героиню многих нашумевших репортажей. Она казалась ему еще красивее, чем была на экране. Тонкий свитерок обтягивал грудь любимого доктором размера «С». Плоский живот оголен (дань моде) и вызывал нескромные желания, в которых доктору, несмотря на весь его цинизм, было сложно признаться. Бедра, ноги, чуть смуглая кожа – воистину Создатель не пожалел для нее самых драгоценных своих материалов.

– Меня не устраивает мой нос, – говорила она, пуская в потолок кольца сигаретного дыма. – Я хочу убрать горбинку.

Грек сглотнул и осторожно дотронулся руками до ее лица, повернул сначала в одну сторону, затем в другую.

– Я не понимаю, что вас так огорчает, – наконец произнес он. – Эта горбинка едва заметна и, простите, придает вам особую пикантность...

– Я не нуждаюсь в ней и прошу освободить меня от обычных нравоучений. Мне не нужен ваш профессиональный такт и врачебная этика. Я хочу сделать операцию и сделаю ее, не у вас, так в другом месте.

– Ни к чему отправлять вас в другую клинику, – вздохнул Грек. – Если вы желаете, операцию произведу я...

Кто бы знал тогда, какие последствия будет иметь это поспешно принятое решение. Сколько всего можно было бы избежать, если бы он указал тогда этой сумасбродной девице на дверь. Конечно, не было бы тогда нескольких волшебных ночей, когда душа хирурга, отделяясь от тела, взмывала к небесам. Но и не было бы тогда того дня, когда, зайдя в свой врачебный кабинет, он обнаружил следы постороннего воздействия. Кто-то интересовался историями болезней его пациентов. Павлу не надо было прибегать к помощи детектива, чтобы понять очевидное: ниточки вели к одному человеку...

Почему он вспомнил об этом сегодня, в день, когда хоронили Эмму? Потому, что все события в мире взаимосвязаны. И не случись тогда эта безумная встреча, кто знает, как все сложилось бы сейчас. Стефания и Эмма были подругами. Их связывала не только жизнь, их объединила даже смерть. Роковое стечение обстоятельств. Хотя почему? К тому, что совершается на белом свете, причастен человек. И на случай тут пенять нечего.

Павел Грек поздравил себя с мудрым решением не ходить на похороны Эммы. Во всяком случае, она за это на него уже не обидится...

Дубровская села в машину. Поправив складки черной расклешенной юбки, она устроилась поудобнее. Слов нет, она выглядит нелепо в этих туфлях на квадратных каблуках и с этой сумкой, у которой не было ни ручки, ни ремешка. Подобающего траурного наряда в ее гардеробе не было, поэтому печальный образ создавался ею по кускам, как по осколкам. Все должно быть мрачное, значит, подойдет черная юбка с таким же пояском, блуза с глухим воротом, туфли, ну, а на голову она наденет черный полупрозрачный шарф. Эмму должны были отпевать в церкви.

Андрей замешкался в гардеробной, Дубровская же вышла первой. Сидя за тонированными стеклами автомобиля, она старалась привести в порядок мысли и чувства. Ян на водительском сиденье был молчалив. Он не сыпал шутками, по своему обыкновению, а, словно проникнувшись торжественностью момента, вел себя пристойно. Лиза была благодарна ему за это молчаливое понимание.

Вскоре на крыльце показался Мерцалов. Должно быть, его отвлек телефонный звонок, прозвучавший не вовремя, и теперь он с трубкой в руках прохаживался по двору, разговаривая с кем-то, а между тем они опаздывали.

Лиза раздраженно подумала, что на сегодня ее супруг мог бы и отложить свои дела, которым, как обычно, не предвиделось конца. Отдать долг памяти знакомой, ушедшей в мир иной по воле рокового случая, было важнее, чем все самые срочные телефонные звонки.

– Елизавета Германовна, – водитель нерешительно кашлянул. – Простите меня, если я скажу не к месту, но я искренне сочувствую вам. События этих дней были для вас, должно быть, шоком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.